

Цескорка

ЛЕНИЗДАТ ★ 1958

Справа — репродукция с картины художника П. Белоусова «В. И. Ленин среди делегатов III съезда РКСМ. 1920 год».

Именно таким вдохновенным, убеждённым, по-человечески простым вспоминают Ленина первые комсомольцы, участники исторического съезда.

На этом съезде Владимир Ильич призвал молодёжь учиться.

Призыв Ленина комсомольцы нашей Родины выполняли, выполняют и будут выполнять.

К Владимиру Ильичу Ленину, как к родному отцу, шли рабочие, крестьяне, солдаты и матросы. Они шли за советом к мудрому и великому вождю. Одну такую встречу художник В. Серов запечатлел в своей картине «Ходоки у В. И. Ленина». Репродукцию с этой картины вы видите внизу.

По ленинским местам

(Текст к фотоочерку, помещённому на 3-й странице обложки)

Старым жителям нашего города особенно памятен апрельский день 1917 года, когда после долгого изгнания Владимир Ильич Ленин вернулся на родину. Тысячи рабочих, солдат, матросов встречали любимого вождя у Финляндского вокзала.

С броневика Ленин произнёс речь. Великий вождь бросил знаменитый призыв: «Да здравствует социалистическая революция!»

Исторический броневик, с которого выступал Ленин, сохранился. Он стоит, как памятник, возле здания Ленинградского филиала музея В. И. Ленина (фото сверху). В круге — дом в Ульяновске, в котором Владимир Ильич провёл свои детские годы.

Очень дорог советским людям и белоколонный дом в Горках Ленинских под Москвой. Он стоит среди зелени огромного парка. Здесь Владимир Ильич провёл свои последние дни. В гостях у вождя революции часто бывали дети.

Места, где жил Ленин, хранят память о великом вожде трудящихся.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» —
орган Ленинградского Обкома
и Горкома ВЛКСМ,
Областного и Городского Советов
пионерской организации
имени В. И. Ленина

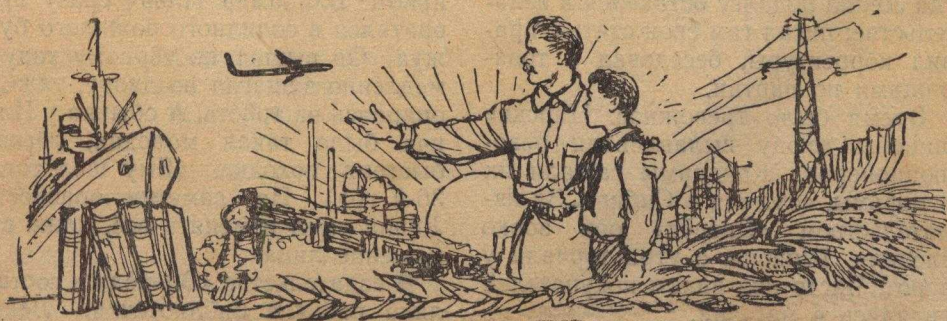
БЫТЬ, КАК ЛЕНИН!

Он с портрета глядит, чуть прищурив глаза.
Он доволен, что мир полон светом весенним.
Помню, в детстве далёком отец мне сказал,
Чтобы жил я, как Ленин,
Трудился, как Ленин!

Это трудно!
Но все мы работой своей
К этой цели великой стремиться готовы,
Чтобы в жизни кипучей советских людей
Повторялась бы заново жизнь Ильичёва.

...Он с портрета с улыбкою смотрит на нас
И любит нас нами отечески строго.
Слово ленинской правды!
Оно и сейчас
Нас ведёт к коммунизму
Октябрьской дорогой!

Валерий САМСОНОВ

КАК может писать книги человек, лишённый зрения? Кажется, это невозможно. Но такой писатель есть. Это Ольга Константиновна Матюшина.

Ольга Константиновна была художницей, но в блокаду Ленинграда её постигло большое, непоправимое несчастье — она потеряла зрение.

Ольга Константиновна Матюшина почувствовала, что должна написать о Ленинграде, о мужестве его защитников. Так появилась её первая книга «Песнь о жизни».

У Матюшиной — богатая жизнь. Она была участницей трёх революций, знала таких интереснейших людей, как сестру Владимира Ильича Ленина Марию Ильиничну Ульянову, писателя А. М. Горького, поэта В. В. Маяковского.

Недавно Ольге Константиновне Матюшиной исполнилось 73 года. Но она полна бодрости. Скоро выйдет её новая, третья, детская книга «Малярна».

О. Матюшина

Рисунки Ю. Лаврухина

Встречи с Лениным

ЕСЛИ от Ленинградского Дворца пионеров перейти Невский, то попадёшь на улицу Толмачёва. Прежде она называлась Караванной. На этой улице, в доме № 9, в 1906 году помещалось партийное издательство «Вперёд».

Как сейчас помню: тёмный, сырой двор. Небольшое крылечко с левой стороны. Откроешь дверь и попадаешь в книжный магазин. Во второй комнате — склад издательства. Дальше — редакция, кабинет заведующего.

Владимир Ильич Ленин часто бывал в нашем издательстве. Войдя в магазин, он всегда приветливо поздоровается с сотрудниками, посмотрит в витринах новые книги, потом уйдёт во внутренние комнаты. Иногда Ленин подолгу оставался в издательстве: писал там свои статьи, правил корректуры, беседовал с товарищами по партии.

Время было тревожное. Царские шпионы всюду вылавливали революционеров. Жандармы сажали их в тюрьмы, ссылали в Сибирь. За издательством «Вперёд» они зорко следили. Шпионы с утра торчали у ворот. Часто под видом покупателей являлись в магазин.

Мы, сотрудники издательства, всегда следили, чтоб во внутренние комнаты попадали только свои. Особенно, когда там был Ленин. Помню, раз появился он в магазине в старой кепке, в каком-то коротеньком пальтишке. Поздоровался, спросил нас: «Как штурмуете?» и прошёл в помещение редакции. Вскоре мы заметили в магазине подозрительного человека. Он долго копался в книгах, а сам глаз не сводил с двери, ведущей в редакцию. «Шпион!» — сообразили мы и сейчас же предупредили об этом Ленина. Владимир Ильич поразительно искусно менял свой внешний облик. Кто-то из товарищей дал ему своё длинное пальто, другой — широкополую шляпу и трость с набалдашником. Владимир Ильич сразу превратился в солидного пожилого буржуа. Он вышел по чёрному ходу и медленно зашагал по двору, тяжело опираясь на трость. А обычно у Ильича была такая молодая, лёгкая, быстрая походка. (Ему шёл тогда 36-й год). Но, заметив опасность, Ленин умел изменять всё, даже выражение лица.

В издательстве «Вперёд» я составляла рабочие библиотечки. Ленин

всегда интересовался нашей работой. Однажды он подошёл ко мне, просмотрел подобранные книги и спросил:

— А довольны рабочие вашими библиотеками?

— Конечно, недовольны! — ответила я.

— Почему? — удивился Владимир Ильич.

— Рабочие просят хорошей революционной беллетристики, а у нас совершенно ничего нет.

Ленин очень много читал. Казалось, нет такой книги, которой бы он не знал. Он сейчас же назвал мне несколько недавно выпущенных брошюр.

— Почему вы их не вкладываете в библиотечки?

— Да все эти книги отобраны полицией два дня тому назад.

Ленин задумался, а потом сказал:

— Да, охранка всё забирает... Но придёт время и у нас будет много хороших книг. Так вы и отвечайте рабочим.

В 1907 году издательство «Вперёд» стали обыскивать сначала раз в месяц, потом — еженедельно. Наконец отряды полиции стали являться к нам через день. Вскоре «Вперёд» закрыли, помещение опечатали. Издательство попало в «чёрный список» охранного отделения. Владимир Ильич эмигрировал за границу. Вернулся он только через 10 лет, после Февральской революции, в апреле 1917 года.

В конце июня Ленин заболел. У него начались сильные головные боли, бессонница и головокружения. Врачи нашли острое переутомление и настаивали на немедленном отдыхе. С большим трудом товарищам удалось уговорить Владимира Ильича уехать в Финляндию. Он поселился на даче Бонч-Бруевича, заведовавшего издательством «Жизнь и знание».

Я бывала на этой даче. Она находилась в шести верстах от станции Мустамяки, в деревне Нейвола. Жена Бонч-Бруевича была врачом. Когда Ленин приехал, она сказала ему:

— Вот здесь, на террасе, я поставила для вас кровать. Вы будете всё время лежать на свежем воздухе.

Владимир Ильич вежливо выслушал её и ничего не ответил. И как же она была поражена, когда к завтраку Ленин явился со стороны озера! Он рассказал, что встал в 6 часов, побродил по лесу, выкупался и теперь с удовольствием позавтракает. Вере Михайловне волей-неволей пришлось отменить постельный режим. Как врач, она была возмущена, но что поделаешь с Лениным! Он жил иначе, чем другие. Он так же активно отдыхал, как и работал. Владимир Ильич за всем следил, ничто не ускользало от его зорких глаз. У него был особый подход к каждому человеку. Даже угрюмые,

неразговорчивые финны охотно рассказывали ему о своей жизни. Ленин шутил, смеялся, играл в мяч с десятилетней Лёлей, дочкой Бонч-Бруевича.

Владимир Ильич был прекрасным спортсменом. За границей он много ездил на велосипеде, подымался на горы, совершал далёкие пешеходные путешествия. Плавать он научился ещё в детстве, на Волге, и плавал очень хорошо.

Бонч-Бруевич рассказывал мне о купанье в Мустамяках. Он предупредил Ильича:

— Озеро у нас большое, глубокое, с холодными ключами. Все купаются вблизи берега. Имейте в виду: на середине выплывать опасно.

— Холодные ключи? — переспросил Ленин. — И никто, говорите, не заплывает?

— Конечно, нет!

Владимир Ильич дошёл до глубокого места и нырнул. Бонч-Бруевич страшно испугался. Время проходило, а Ленина всё нет и нет. И совсем неожиданно голова Ильича появилась на самой середине. Он фыркнул, смеялся, очень довольный.

— Какое чудесное озеро! — крикнул он.

Дачники заметили смелого пловца. Стали спрашивать у Бонч-Бруевича — кто это? Ленин был тогда на нелегальном положении и назвать его фамилию было нельзя.

— Это знаменитый чемпион! — находчиво ответил Бонч-Бруевич.

Ленину не пришлось больше купаться: все дачники захотели увидеть знаменитого пловца и целые дни сторожили его на берегу.

Только четыре дня удалось Владимиру Ильичу отдохнуть на даче. Важные дела заставили его вернуться в Петроград.

После Октябрьской революции я работала в издательстве «Жизнь и знание». Мне дали постоянный пропуск в Смольный. В любой час дня и ночи я имела право бывать там. Не раз приходилось обращаться по делам издательства к Владимиру Ильичу. И никогда я не встречала отказа, всегда чувствовала какое-то особое внимание Ленина к книж-

ной работе, его желание помочь нам. Легко работать, когда чувствуешь, что делаешь нужное дело.

Ленин был необыкновенно внимателен к каждому человеку. Помню такой случай в Смольном. Договорившись по всем делам, я вышла в коридор и поджидала Бонч-Бруевича, прислонившись к стенке. Недалеко была дверь в кабинет Ленина. Вскоре оттуда вышло несколько человек. Жестикулируя и что-то горячо доказывая спутникам, Владимир Ильич шёл своей лёгкой, быстрой походкой. Я следила глазами за удаляющейся группой.

Вдруг Ленин остановился, видимо, извинился перед своими спутниками, и пошёл обратно. «Должно быть, забыл что-нибудь», — подумала я.

Но нет! Ленин направился прямо ко мне.

— Вы меня ждёте, Ольга Константиновна? — спросил он, пожимая руку.

Я поверить не могла, что председатель Совета Народных Комиссаров, человек, до предела загруженный делами Советского государства, не хотел заставлять ждать меня, рядового работника. Поражённая и смущённая, я едва пролепетала:

— Нет, нет, Владимир Ильич!..

Он, ласково попрощавшись, ещё быстрее зашагал к поджидавшим его товарищам.

Так просто, так незаметно Ленин всегда показывал окружающим, как должен поступать советский человек.

Б Р А Т

Он был в Анапе и Крыму —
Мой самый старший брат.
Глазами видел наяву
Далёкий Ашхабад.

Он воду пил из родников,
В машине жил и спал,
Ходил почти до облаков
И песни собирал.

Проехав сотни деревень
За весь минувший год,
Привёз ценнее чем жень-шень
Чудесный свой блокнот.

В нём песни полноводных рек,
Могучих сизых гор,
В которых славит человек
Страны своей простор!

Миша КАЛЕДИН
5-г класс, 281-я школа

Большое и малое

РАССКАЗ

ОДНАЖДЫ группа московских пионеров пришла в Музей Революции. Было это утром. Ребята — они учились во второй смене — долго ходили по гулким, пустынным в такое раннее время залам, рассматривали картины, статуи, документы.

Экскурсовод подвёл их к портретам старых большевиков.

— Вот это — Григорий Иванович Петровский, боевой соратник Ленина, один из создателей нашей партии, — сказал экскурсовод, подняв указку к желтевшей фотографии.

Со снимка пристально глядел на пионеров простой парень — по виду рабочий, — с зачёсанными наверх волосами и густыми усами.

Экскурсовод оглянулся и, заметив, что в зал вошёл невысокий седой мужчина в синем костюме, улыбаясь, шёпотом сказал:

— А это — директор нашего музея...

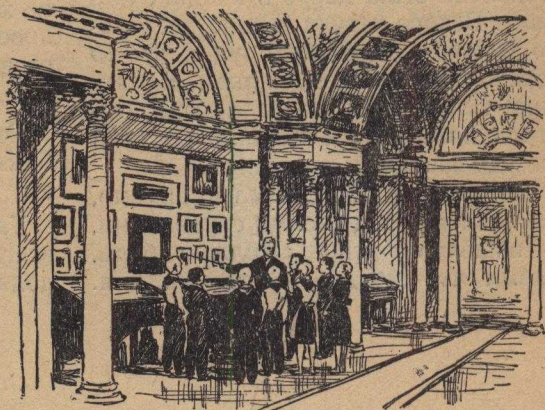
Пионеры удивились: почему экскурсовод ни с того, ни с сего вдруг заговорил о директоре?

Но тут же всё разъяснилось.

— Нашего директора зовут Григорий Иванович Петровский, — так же шёпотом добавил экскурсовод.

Ребята даже растерялись. Им казалось, всё, о чём рассказывает экскурсовод, было давным-давно. Ведь со времени первой русской революции прошло уже больше пятидесяти лет! А Петровский стал революционером ещё задолго до неё, ещё в прошлом веке. И вдруг — вот он!..

...Григорий Иванович увёл ребят в свой кабинет. Пионеры — кто на стульях устроился, а кто на большом кожаном диване — стали про-

сить его рассказать что-нибудь о революционерах.

Григорий Иванович задумался.

— Ладно, — наконец сказал он.

— Было это в самом начале 1913 года, — так начал Григорий Иванович. — «Правда» переживала тогда очень тяжёлые дни: полиция свирепо преследовала нашу газету.

А я в то время был депутатом от рабочих в Государственной Думе. Во всей этой царской Думе нас, большевиков, было всего шесть человек.

И одной из главных наших задач было — помогать «Правде». И вот однажды, зимой 1913 года, Ленин вызвал нас шестерых — всю «большевистскую фракцию» Думы, а также руководящих работников «Правды», в Краков, на совещание.

Ленин-то тогда в Кракове жил. Да и совещаться там было удобнее: вдали от царских сыщиков и жандармов.

Приехали мы в Краков. Идём по узким улочкам, у прохожих спрашиваем дорогу.

Ленин встретил нас у подъезда: наверно, из окна увидел. Очень обрадовался. Он всегда радовался товарищам из России.

Вошли. Квартирка маленькая, неказистая. И мебель очень простая, старенькая. Но мы не удивились: знали, что Ленин скромно живёт и в деньгах очень нуждается.

Крупская показала нам, где раздеться. Сняли мы пальто.

— Ого! — улыбаясь, говорит Ленин. — Какие франты пожаловали!

Мы смутились. Приехали мы, рабочие-депутаты, в чёрных, хорошо сшитых костюмах, в тугих накрахмаленных белых манишках. В Думе-то приходилось фасон держать! Хочешь не хочешь — напяливай манишку!

А Ленин рядом стоит в поношенном пиджачке. Рукава на локтях блестят. Под пиджаком — синяя сатиновая косоворотка.

И Крупская в простеньком, гладком платье.

Увидел Ленин, что мы смутились, засмеялся и говорит:

— Да я не в укор! Молодцы! Так и надо!..

Прошли мы в столовую. Эта комната только называлась столовой. А на самом деле там повсюду лежали книги, бумаги: тут Ленин и работал. Чувствую я, холодновато в этой столовой. В соседней комнате — ещё подходящая температура. А здесь прямо-таки мурашки по коже бегают.

«Неужели у Ленина денег на дрова нет? — думаю. — Ведь он тут целые дни сидит, простынет...»

Шепнул я об этом Бадаеву — товарищу моему, тоже депутату. Тот у Надежды Константиновны будто бы между прочим насчёт дров осведомился.

— До такого мы ещё не дожили! — засмеялась Надежда Константиновна. — Дрова есть. Только Владимир Ильич не любит, когда сильно натоплено. На холодке, говорит, лучше работается...

Ну, ладно. Вскоре началось совещание. Ленин не любил зря терять времени. Да и нам тоже было некогда. И так совещание должно продлиться несколько дней. Надо обсудить: как наладить работу «Правды», где достать денег на оплату типографских расходов и покупку бу-

маги, как увеличить число подписчиков... Ну, и ряд других вопросов.

И вот на первом же заседании Ленин всем нам предложил:

— Столуйтесь у нас. Что вам время зря тратить — на обед куда-то ездить!

И Надежда Константиновна — она протокол вела — отложила перо и тоже говорит:

— В самом деле, столуйтесь у нас!

Мы не знаем, что и делать. Вообще-то, конечно, это очень удобно для нас. И хочется нам побольше с Ильичём побыть, поговорить обо всём.

Но с другой стороны, чувствуем мы, что лишней копейки в доме нет. А тут такая свора нахлебников!..

Бадаев первым нашёлся.

— Спасибо, — говорит. — С удовольствием принимаем ваше приглашение...

А сам мне подмигивает:

«Не беспокойся, мол. Всё будет в порядке».

В перерыве подходит он ко мне и шепчет:

— Сколько у тебя денег с собой? Всё выкладывай! Только на обратный билет оставь...

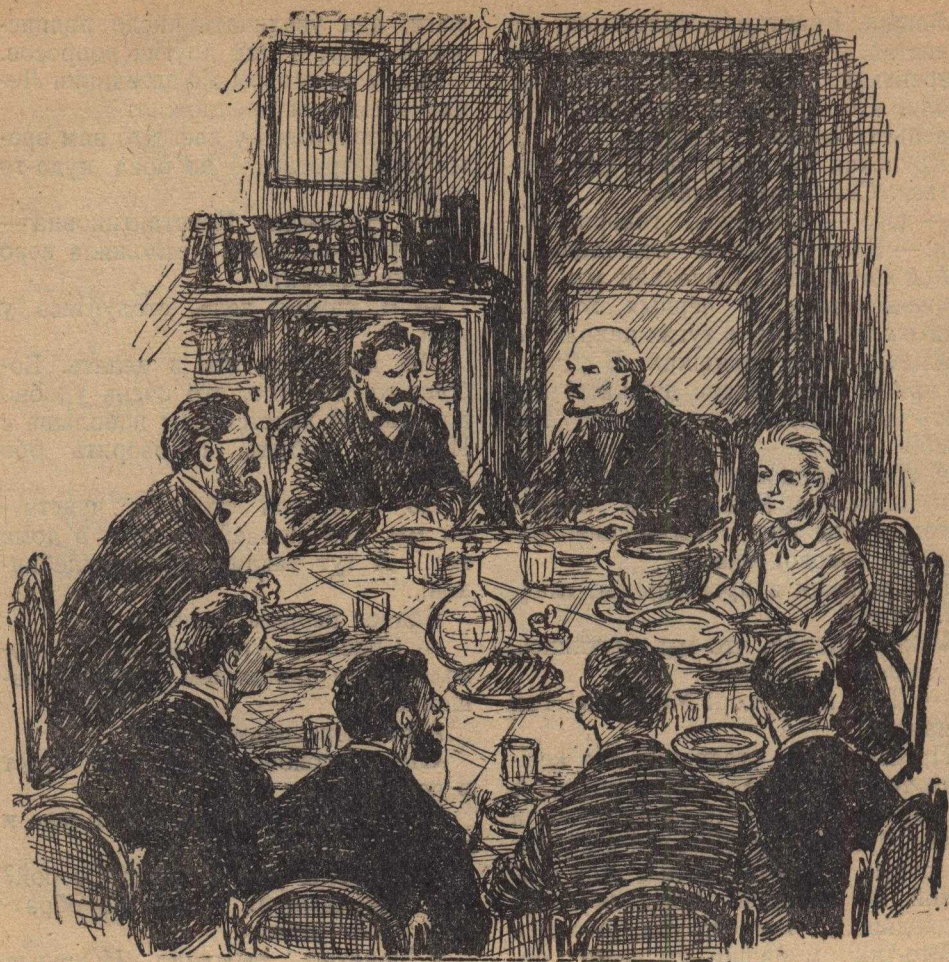
Я, понятно, выложил. И другие тоже. А Бадаев, тайком от Ленина, все эти деньги Крупской передал. С трудом, но всё же уговорил её взять: иначе, заявил, мы вынуждены будем обедать в ресторане. Хоть и накладней, а придётся...

И вот сидим мы у Ленина за столом, обедаем, и очень довольны, что так благополучно кончилось это щекотливое дело.

И только одной «мелочи» не учли. Из-за этой-то «мелочи» и пришлось нам потом краснеть.

Так вот... Я не стану подробно рассказывать о самом совещании. Кто интересуется, может о нём прочитать. «Краковское совещание» — под этим названием оно и вошло в историю.

Скажу только, что совещание шло быстро и организованно. Ленин вообще не терпел болтунов. Всю жизнь. Многие из старых большеви-

ков помнят, что даже на заседаниях Совнаркома выступавшим в прениях давалось всего три минуты. Как хочешь, так и укладывайся. А если кто «заговорится», — Ленин сразу на часы показывает: мол, ваше время истекло...

...Прошло несколько дней. Соездание наше кончилось.

Был уже поздний вечер. Сидим мы в «столовой», беседуем. Завтра утром — уезжать.

Вышел я зачем-то в коридор и мимоходом случайно заглянул в кухню. Дверь туда была приоткрыта. И вдруг вижу: Надежда Константиновна в переднике, закатав рукава платья, стоит у плиты и тряпкой с песком чистит кастрюлю.

Вот так-так! Я стою, не шевелюсь. А Надежда Константиновна меня не

замечает, кончила кастрюлю надраивать, отставила в сторону и за другую какую-то большую медную посудину принялась.

Стою я и чувствую — краснею.

«Простофили мы, — думаю. — Дали деньги и решили — всё в порядке. Совсем забыли, что у Надежды Константиновны прислуги в доме нет. Всё сама делает. И теперь, значит, она днём вместе с нами заседает, выступает, протокол ведёт, а вечером для наших милостей кастрюли чистит!..»

Стыдно мне стало ужасно.

Подошёл я к Бадаеву. Он в это время с Лениным и другими товарищами в столовой беседовал. Отозвал я его в сторонку, рассказал, как Крупская кастрюли чистит.

Бадаев тоже смутился.

— Я, — говорит, — ещё вчера это заметил. И не только это...

И рассказывает мне, что вчера он видел, как Надежда Константиновна после заседания, когда Ленин увёл нас всех на прогулку по Кракову, мыла полы в столовой и коридоре.

«Одно к одному», — подумал я.

Посмотрел на пол. Половицы старые, разошедшиеся, краска с них почти слезла. Такой пол мыть — одно мученье.

И представил себе, как Надежда Константиновна в своём гладком платье, с гладко причёсанными волосами, очень похожая на учительницу, стоит, согнувшись в три погибели, с ведром и тряпкой над полом, грязь за нами смывает.

«Скверно», — думаю.

А Бадаев говорит:

— Знаешь что? Поможем-ка ей по хозяйству. А то, выходит, мы вроде белоручек...

Это он здорово придумал. Только чем, как помочь?

— Дровец наколем, — предложил Бадаев.

— В темноте-то? — говорю я.

— Ну и что! А лампа зачем?..

Скинули мы хомуты наши — машишки крахмальные, взяли топор — один на двоих — и пошли в сарайчик.

Надежда Константиновна не пускает, смеётся:

— Да там почти все дрова уже расколоты. Только чуточку осталось...

Но мы всё равно пошли. Проверим, какой величины эта «чуточка».

В сарае вдоль стены лежала поленица дров, но уже расколотых.

И лишь в углу — кучка целых чурбаков. Мы с ними в два счёта расправились.

Хоть и немного поработали, а всё-таки на душе поспокойнее стало. Вернулись в дом.

— А эту поленицу вы что — сами кололи? — спрашивает Бадаев Крупскую.

— Нет, — говорит. — Это Владимира Ильича работа...

Легли мы спать. А на другой день чуть свет встали. Пора на вокзал.

А на столе уже чай стоит, еда. Значит, опять Крупская раньше всех нас поднялась. Успела уже и завтрак приготовить, пока мы сны досматривали.

Поели мы, стали прощаться.

Подошёл я к Надежде Константиновне, хочу ей сказать что-то очень хорошее, но... не получается.

Только жму ей руку и повторяю:

— Спасибо вам, Надежда Константиновна. Большое спасибо! От всей души спасибо!..

А сам чувствую в своей ладони её руку: кожа на её руке жёсткая, шершавая, в ссадинах.

Но мне в тот момент казалось, что руки у неё — самые что ни на есть прекрасные: умелые, сильные.

Скажу прямо: с гордостью смотрел я на эти руки, которые никакой, даже самой чёрной работы не гнушаются.

А Крупская-то, конечно, не понимает, почему я её руку всё не отпускаю.

Улыбается и говорит:

— Да не за что меня благодарить!..

А я думаю:

«Нет, есть за что...»

БОГАТЫРИ

1. БУДЕТ ЛИ МОРЕ БЕЛОЕ?

НА Волге строилась большая гидростанция. Отец Павлика работал на стройке шофёром и, приезжая домой, рассказывал, что там делается.

Жили они в новом посёлке, который назывался Порт-город. Но хотя он и назывался так, а, по правде сказать, никакого порта там не было. Не только корабля, парохода или катера, даже самой обыкновенной лодки Павлик не мог увидеть. И стояло у них в Порт-городе всего несколько деревянных домов, терявшихся в сосняке.

Настоящий город с раскинувшимися во все стороны улицами был под горой, но в нём с каждым днём всё меньше становилось и домов и людей.

Двести лет простоял он на волжском берегу, и наступила пора переходить ему на новое место, потому что здесь разольётся целое море. На гору, к сосновому бору вереницей тянулись машины, нагруженные кирпичами, железом, брёвнами. Сундуки, кровати, столы, горы узлов и тюков возвышались на машинах, а на самом верху сидели переселенцы и, помахивая рукой, прощались со своим старым местом.

Выбежит Павлик на крутой косогор, посмотрит на старый город, а там ещё одной улицы нет. Издали, едва различимый, как муха, ползёт тупо-

носый бульдозер и разравнивает пустыри. Где-то гроыхнёт сорванное с крыши железо, пошатнувшись, рухнет на землю печная труба, подняв густое облако пыли. Интересно там, шумно, весело!

— Павлик!.. Павлик!.. — рано утром кричали ему под окном ребята. — Скорей выходи!

И он выбегал к ним, зная, что весь день, до самых потёмок, будет заполнен интересными событиями и делами.

— А я что узнал! — тараща и без того большие глаза, загадочно шепнул ему раз первоклассник Вовка из соседнего дома.

— Что? — тоже перейдя на шёпот и так же тараща глаза, переспросил Павлик.

— Вчера вечером дядя Миша к нам приходил. С папкой сидел, разговаривал. А я будто сплю, а сам всё до капельки слышал. Знаешь, дядя Миша что говорит?

— А какой дядя Миша?

— Какой, какой!.. — досадливо шмыгнул носом Вовка. — Зинкин отец. Зинки-ябеды... Ну, та, которая вчера коленку себе расшибла, а на меня потом жаловалась. Говорит, я толкнул. А я толкал её?.. Скажешь, толкал?.. Вон Минька видел. Толкал я её? Скажи, Минька, толкал? — приставал он к своему другу, стоявшему рядом.

Стараясь отодрать щепочку от тесовой обшивки крыльца, Минька нехотя отозвался:

— Ничего не толкал. Один раз пихнул только. А она сама и упала... Ты про мел ему Расскажи, — напомнил он.

И Павлик услышал новость, взволновавшую и его. Оказалось, что дядя Миша (отец Зинки-ябеды) говорил, что когда перекроют плотиной Волгу и начнётся разлив нового моря, то много волжской воды может попусту просочиться под землю, если в местах затопления окажутся отложения мела.

— Мел — он, знаешь... Он воду впитывает в себя, — пояснил Вовка Павлику.

Пыля по дороге босыми ногами, мимо них пробегал Алик, сын школьной сторожихи. Ребята остановили его и сообщили тревожную новость.

— А давайте проверим, — сказал Алик. — У нас в кладовой много мела лежит. Айда к нам!

И они, не теряя попусту времени, побежали в старый город.

На школьном дворе громоздились составленные одна на одну парты. Рамы из школьных окон были вынуты, двери сняты с петель. Хорошо было бегать по пустым классам и длинному коридору!

Под лестницей, в кладовке, хранились запасы писчего мела. Он лежал в большом коробе.

— Подымайте! — командовал Алик. — Вынесем вон туда, а оттуда — в окно.

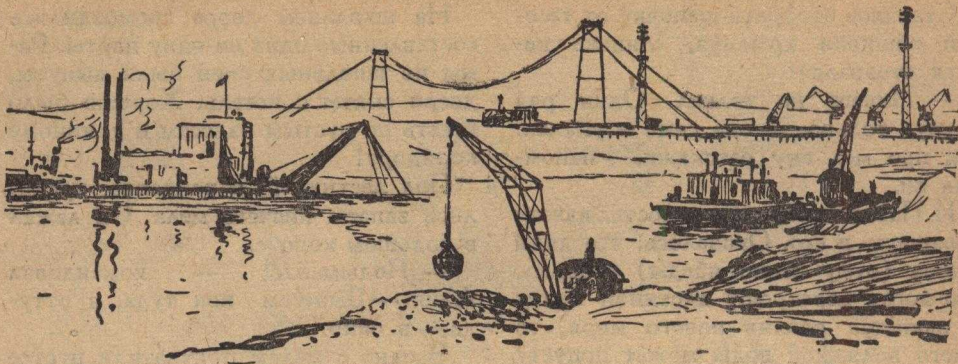
Заодно с мелом прихватили пустое ведро, чтобы было чем наливать воду.

Через несколько минут ребята стояли за сараем, в скрытом от посторонних глаз уголке, и с возбуждёнными, покрасневшими лицами наблюдали, как впитывалась вода в мел и растекалась сквозь щели старого короба молочно-белыми ручейками.

Павлик был очень взволнован. Какое же это будет море, если оно окажется белым, как молоко! В нём и рыба не станет жить и купаться нельзя будет.

Остальные ребята тоже задумались.

Надо было сообщить об этом кому-нибудь, но первый же человек, к которому они обратились, ничего не понял из их слов.

— Какое такое белое море тут будет? — нахмурился он. — Почему это так?.. — и отмахнулся от них рукой. — Недосуг мне балакать с вами.

А когда Алик сказал об этом матери и привёл её посмотреть, какая лужа молочно-белой воды натекла из-под короба, она недолго думая ухватила его за ухо и закричала:

— Что же ты, бесёнок, натворил?! Кто же это подбил тебя на такое?.. — И затопала на ребят ногами. — Марш отсюда, чтобы глаза мои не видали... Я вот крапивою вас... Безобразники!.. Озорники!.. Ну чем теперь станут на досках писать? Чем?.. — сокрушалась она.

Открытие, сделанное ребятами после опыта с мелом, усиливало их тревогу. А к ней теперь примешивалась ещё и боязнь, что придётся отвечать за испорченный мел. Могут ведь не поверить, что они совсем не думали баловаться. Узнает учительница или сам директор школы, тогда неприятностей не оберёшься. На тот год Миньке и Павлику надо будет поступать в первый класс. Вдруг учительница скажет, что ей таких мальчишек не надо? Вовка предупредил, что она у них в первом классе очень строгая.

Что делать? Как быть?.. А мысли о том, что с морем, которое будет здесь, может произойти что-то неладное, тоже не давали покоя. Ребята долго и уныло бродили по городским пустырям.

А на пустырях — груды битых кир-

пичей с окаменевшими наростами когда-то скреплявшей их извести, крошево старой штукатурки со следами мела. В каждом доме ведь и печи мелом белили и потолки, а многие хозяева — даже наружные стены своих домов. Сколько же этого мела, приставшего к обрушенной штукатурке и к кирпичам, останется здесь, на месте старого города? Набежит вода и растечётся мутным потоком. Какое же море будет? Забелённое, как молоком?

— Давайте сделаем так, — сказал Павлик, — чтобы море не было белым. А?.. Давайте!

— А как?

— Я знаю как! — убеждённо говорил Павлик. — Все белые куски соберём и в ямы их покидаем. А потом сверху землёй засыпем. Давайте!

Ребята некоторое время молчали, обдумывая его предложение, а потом Минька задумчиво произнёс:

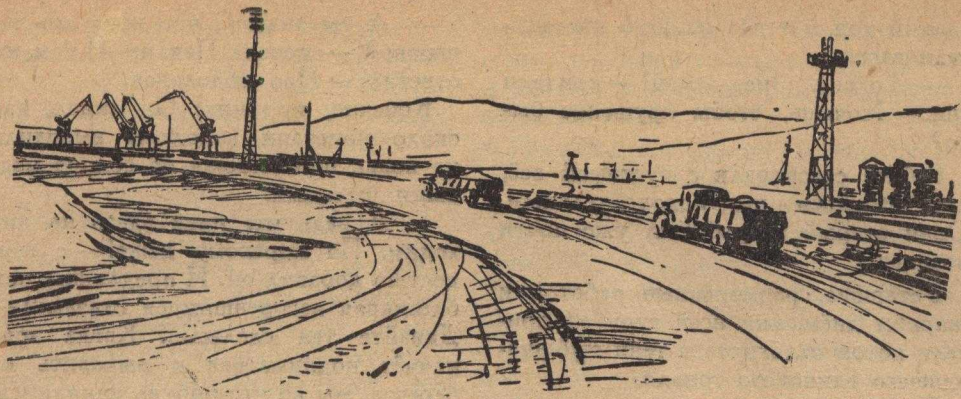
— Вот если бы синьки достать... Много-много... Тогда и вода будет синяя. Я видел, как мама стирала, а потом в корыте подсинивала: вода синяя-синяя, — тоненьким голосом заключил он и зачем-то прижмурил глаза.

Но где же достать столько синьки, чтобы её хватило на целое море?

Минька сказал, что постарается немножко отсыпать у матери. У неё синька в тряпочке, завязанной узелком, на полке около печки лежит.

— А ты, Вовка, можешь достать?

Вовка, как самый старший, проучившийся в первом классе, сказал, что Минька просто дурак. Для моря синьки нужно иметь не щепотку, не

горсть, а, может быть, целый мешок. Целый грузовик. Пятитонку целую. А может, даже и больше. Но предложение Павлика он одобрил.

— Давай, Вова... Минька, Алик, давайте! — заторопил Павлик.

И работа закипела. Павлик строго присматривался, с достаточной ли тщательностью ребята отбирают мусор, и сам старался собирать только такие обломки старых кирпичей, на которых были видны белые пятна. Упрекнул Алика, зачем он кинул в яму трухлявую доску, если на ней ни извёстки, ни мела не было. Отшвырнул в сторону старое ведро с прожженным дырявым дном и большой вмятиной на боку и, увидев под ним кусок, наверно, совсем недавно побелённой штукатурки, с ожесточением швырнул его в бывший погреб. Руками отбирал мелкий щебень и крошки, чтобы зря не попадали безобидные камешки, от которых морю не будет никакого вреда.

— А там, там вон сколько! — выкрикнул Алик, указывая в сторону.

Среди зарослей лопухов лежала груда обломков от разрушенного курятника. Он когда-то был обмазан глиной, и заботливая хозяйка каждой весной белила его наружные стенки.

А ещё немного поодаль ребята увидели какие-то подозрительно белевшие камни. Павлик ударил один из них ногой, и он рассыпался, подняв облачко белой пыли. Может, тоже какой-нибудь мел?

Работы предстояло много, и Павлика смущало, что им вчетвером, пожалуй, не справиться.

— Я пойду лучше рыбу ловить, —

неожиданно сказал заскучавший вдруг Алик.

— Эх, ты!.. Рыбу!.. — метнул на него Павлик укоризненный взгляд.

— Да, вон сколько надо таскать! — оправдывался Алик. — Разве перетаскаешь всё!

И тогда у Павлика мелькнула счастливая мысль. Он спросил:

— Хочешь вербовщиком быть?

Алик не понимал и ждал разъяснений.

— Ну, который на работу людей набирает. Зови всех ребят сюда. А потом, если захочешь, бригадиром над ними будешь.

И у Алика загорелись глаза.

— А девчонок позвать?

— И девчонок зови.

Прошло немного времени, и как восторженно встречал Павлик большую и шумную гурьбу ребят, которую Алик привёл с собой!

— У нас есть носилки, — сказала девочка с рыжей косичкой. — Мы с Верой будем самосвалами, ладно?

— А я — экскаватором! — выкрикнул пятилетний Шурик.

— Экскаватором будет Костя. Он выше тебя, — возразил было Алик, но Шурик скривил губы и, тяжело засопев, поднёс к глазам руку. Тогда и ему разрешили быть экскаватором.

Всё было здесь — и свои автомашины, гудевшие на разные голоса, и даже целый железнодорожный состав, впереди которого, раздувая щёки, пыхтел паровоз, усердно работая согнутыми в локтях руками. Он часто буксовал, и от него, как настоящие клубы пара, поднималась дорожная пыль. Паровоз неожиданно давал

задний ход и тогда на него наскочили вагонны.

— Толька, не смей! — кричали они. — Хочешь, чтобы крушение было?

Ребята стаскивали с пустырей всё, что казалось им подозрительным. Один старый погреб был уже почти завален.

Уставшие, разморённые работой и жарким днём, они всей гурьбой присели потом отдохнуть в тени ещё уцелевшего одинокого тополя.

Перебирая жиденькую косичку, одна девочка пошептала со своей подружкой и громко сказала:

— Мы с Леной чисто-чисто подметём свою улицу, чтобы на неё легко-легко набежала вода... У меня сестра песню сочинила... не сочинила, а по-своему переделала... — И тоненьким голоском тихо запела:

*Прощай, наш старый город,
Здесь скоро будет море,
И ранней порой
Мелькнёт над тобой
Лишь гребень волны голубой...*

Ребята сидели, слушали песню и представляли себе, как набегают сюда эти голубые волны с белыми пенястыми гребешками и с шумом ударяются о берега. А над бывшим городом кружатся чайки и плывёт по этой вот улице большой-большой пароход...

2. ДАВАЙТЕ БУДЕМ БОГАТЫРЯМИ!

ХОРОШО умел читать только Вовка, потому что он уже учился в первом классе. Павлик тоже мог читать, но только короткие слова. Длинные у него почему-то не складывались, и он пропускал их. А Минька и Алик были совсем неграмотными. Умели только рассматривать картинки.

Ребята сидели в тени школьного паисадника, и Вовка читал им вслух сказку о том, как вздуется бурливое море, хлынет на берег волна и выйдут из неё тридцать три богатыря.

— А ты знаешь, про кого это написано? — спросил Павлик. И сам же ответил: — Про водолазов.

Конечно, про них! Он видел, как около пристани водолазы выходили из воды, поблёскивая на солнце медными шлемами.

— А ведь мы тоже здесь по дну ходим. По морскому даже! — с гордостью добавил он. И предложил, поблёскивая загоревшимися глазами: — Давайте так сделаем... Когда вода начнёт подниматься и выходить из берегов, мы во что-нибудь нарядимся, как богатыри. А ты, Вовка, Черномором будешь. Хотите так? — нетерпеливо спрашивал он.

Вовка прищурил глаза. Ему показалась заманчивой эта мысль: целый богатырский отряд поведёт он за собой, будто бы выйдя с ним из морской белой пены. Смущало только — как быть с девчонками? Они тоже ведь захотят.

— Ну и пусть, — сказал Павлик. — А они богатырями будут. Мы же вместе с ними и дно тут делали и город будем переносить. И школу...

Чтобы загладить свою вину за испорченный мел, Алик договорился с матерью и с самим школьным завхозом Николаем Андреевичем о том, что ребята тоже будут принимать участие в переноске школы на новое место. К тому же отец Павлика должен был завтра с утра перевозить на своей машине парты и другое школьное имущество.

Словно подслушав сговор ребят — нарядиться богатырями, Николай Андреевич так и обратился к ним.

— Ну, богатыри, — сказал он, — осилим мы дело — школу перенести?

И ребята дружно ответили:

— Осилим!

Утром на школьном дворе стояли автомашины. На них грузили парты, снятое с крыши железо, двери и оконные рамы. Учителя и старшие школьники помогали рабочим. Во дворе было шумно и весело.

— А вы, орлы, идите сюда, — позвал Павлика и его друзей Николай Андреевич и повёл их в бывшую учительскую комнату.

— Вам, как самым настоящим богатырям, придётся вот какой груз

нести, — указал он на стоящие у стены глобусы и свёрнутые географические карты. — Можно сказать, моря и горы переносить будете. Держи земной шар! — И передал Павлику глобус.

3. ПРОПАВШАЯ ВОЛГА

ПАВЛИК смотрел, что делается на стройке, и видел великанов, творивших небывалые чудеса. Одни из них были похожи на птиц, то опускавших, то поднимавших свои железные клювы. Наклонит такая птица длинную шею, поднимет пучок тонких прутьев и перенесёт их в другую сторону, словно собираясь вить себе из этих прутьев гнездо. Потом высмотрит что-то ещё, снова клонет и поднимет бадью, доверху наполненную жидким бетоном. Множество прутьев торчит из гнезд этих птиц, а они приносят всё новые и новые пучки и опять заливают их бетонным раствором. Этим птиц называют порталными кранами, а прутья, которые они подбирают своими клювами, — стальной арматурой.

Как громадные утки, сидят на воде или медленно кружатся по затону неуклюжие земснаряды, и от них тянут-

ся длинные трубы, по которым они гонят поднятый с речного дна песок и намывают посреди Волги длинные песчаные косы.

Но это были ещё не главные чудеса. А вот подошёл такой день, когда на оставшемся узком протоке Волги навели мост, зажгли множество ярких прожекторов, и в осенних сумерках Волга и её берега осветились, как в солнечный день. Людей собралось столько, что никому, наверно, не сосчитать. И все были взволнованы, возбуждены, потому что такого никогда ещё не приходилось им видеть. Волге навсегда преграждался её вековечный путь.

Павлик стоял на берегу рядом с матерью и, стараясь пореже моргать, смотрел, что будет делаться.

— Смотри, смотри, Павлушка, да запоминай все, — говорила ему мать. — Можно век прожить, а такого не увидеть.

На мост осторожно сошла первая машина, и на ней возвышалась большая остроконечная каменная глыба. Она была такой большой и тяжёлой, что только одна помещалась на грузовике. Машина выехала на середину моста, развернулась, попятилась задним ходом к самому краю, и с её наклонённой платформы плюхнулась в реку тяжёлая глыба, высоко взметнув брызги воды.

Прошло несколько минут, и уже десятки машин, одна за другой, сбрасывали в воду такие же большие и тяжёлые каменные глыбы. На одной из машин работал отец Павлика, потому что он был в числе самых лучших строителей.

Этот день называли днём штурма Волги, и люди упорно сражались с рекой, стараясь захватить её в плен. До конца видеть эту битву Павлик не мог, потому что она длилась всю ночь, утро и часть нового дня. Отец потом рассказывал, как Волга ревела и пенилась в своей ярости и под конец, обессилив, подчинилась покорившим её людям.

На другой день, когда Павлик с Минькой и Аликом снова прибежали на берег, они увидели на месте пере-

крытия Волги целую гряду выпирающих из воды камней. По ним, если бы позволили, можно было перебежать на ту сторону. Крутившиеся здесь земснаряды намывали на эти камни песок, и он, оседая, создавал плотную земляную плотину. Кое-где Волга ещё могла просачиваться между выпиравших камней, но таких мест становилось всё меньше. Земляная плотина росла на глазах, словно это сам берег сдвинулся с места и лёг поперёк реки.

И вот наступила такая минута, когда Волга могла протекать по своему прежнему руслу лишь узеньким ручейком, через который можно было просто перешагнуть. Какой-то человек нарочно встал на этих двух смыкавшихся берегах.

Как это произошло, Павлик не заметил: всего несколько минут назад хотя и узеньким ручейком, но Волга всё же текла, а тут вдруг словно исчезла. Не стало реки, некуда было ей течь, потому что плотно сомкнулись оба конца земляной плотины.

— Волга... А где же Волга?... — затеребил Минька Павлика за рукав. — Где она?

А Павлик и сам не знал. Раскинулась перед ними успокоившаяся водная гладь, похожая на большое озеро, а реки не видать.

Мимо них проходил в высоких сапогах и в меховой куртке какой-то большой дядя. Он улыбнулся, глядя на их удивлённые лица, и спросил:

— Что, нет Волги-то, а?... Куда же она делась?

Павлик смущённо повёл плечами.

— Не знаю.

— Ну, ничего, ничего, — успокаивающе проговорил дядя в куртке и в сапогах. — Где-нибудь мы её обнаружим. — Он тоже посмотрел на пропавшую Волгу и сказал Павлику: — Вырастешь, учишься на гидротехника. Будешь реки останавливать и моря создавать.

— Нет, я на инженера буду учиться, а не на техника, — ответил ему Павлик.

Дядя снова улыбнулся и похлопал его рукой по плечу.

— Ну, если на инженера, так ещё лучше.

Дома от отца Павлик узнал, что запруженная Волга, не находя нигде выхода, нырнула под здание ГЭС и выскочила в специально сделанные для неё донные отверстия гидростанции.

— Сама под себя нырнула? — спрашивал Павлик.

— Почти что так, — смеясь, отвечал отец.

4. САМОЕ МОЛОДОЕ МОРЕ

НА взгорье, у опушки соснового бора, вырастал новый город. Ни на минуту не умолкал в нём шум стройки. Строились сразу целые улицы, лучами расходившиеся от большой круглой площади, находившейся в самом центре. Пахло сосновыми стружками, краской. Здесь было куда веселее, чем в старом городе, когда его разрушали. На улицах стояли новые светлые дома с поблёскивающими на

вого берега, и вода в нём была такая же, как в Волге, а не белая, как молоко. Наверно, хорошо они тогда с ребятами сделали, что убрали извёстку и мел. Жаль только, что опоздали выйти из моря богатырями, но ведь сразу везде не успеешь!

солнце красными и зелёными крышами. Около большой новой школы был совсем недавно пустырь, на котором школьники копали ямы, а потом как-то прибежал туда Павлик и увидел — растёт сад с большими деревьями, и на многих из них даже не облетела листва, хотя была уже осень.

Интересно было всё осмотреть, а город — большой, и в нём каждый день появлялось что-нибудь новое. Алик жил теперь тоже в новом городе, и ему всё тут нравилось. А про старый город все позабыли. Да там и смотреть было не на что, потому что в нём ничего не осталось.

Однажды Павлик проснулся утром, и мать сказала ему:

— Ты вот спал и не видел, что в старом городе делается.

— А что там?

— Посмотри, так увидишь.

Павлик выбежал на косогор,глянул вниз и увидел: до самой дороги, что вела к прежней окраине города, разлилась вода. Это было море. Оно даже слегка плескалось у своего но-

Совсем недавно бежали по городским улицам, и Волга была от них далеко, а теперь былым улицам уже не найти и следа. И не река, а целое море подступило к Порт-городу. В нём действительно будет порт. Появились уже первые лодки, и скоро приплывут пароходы.

В один тихий погожий день, когда солнце, словно вспомнив о лете, было ярким и тёплым и с самого утра ни разу не пряталось, к Павлику прибежал Шурик и сказал:

— Хочешь с нами рыбу ловить? Папка к лодке пошёл, а я за тобой побежал. Хочешь?.. У нас удочки есть, и я целую банку червяков накопал.

Узнав, что Шурик собрался на рыбную ловлю вместе со своим отцом, мать отпустила Павлика, и они, наверно, были первыми рыбаками, вышедшими в молодое море. Уплыли они далеко, и когда Павлик оглянулся назад, домики Порт-города показались ему маленькими, словно игрушечными.

Отец Шурика бросил якорь — камень на длинной верёвке, и они закинули удочки. Поплавки спокойно лежали на воде, и тогда, чтобы поддразнивать рыбу, отец Шурика стал изредка подёргивать свою удочку. Павлик тоже стал делать так и почувствовал что-то тяжёлое, будто кто-то схватил под водой конец лески и не отпускал от себя.

— Подсекай, подсекай, — торопливо зашептал Шурик, как заправский рыбак.

И Павлик подсек. Чтобы ему помочь, отец Шурика перехватил у него из рук удочку и стал вываживать попавшуюся рыбу. Она хотя и не сопротивлялась, но шла тяжело. Шурик держал сачок, готовясь подцепить им рыбу, как только она покажется около лодки. Павлик затаил дыхание — и что это?.. У него удивлённо расширились глаза. На крючке его удочки висело старое ведро с дырявым проржавленным дном и большой вмятиной на боку.

— Вот так улов! — засмеялся отец Шурика.

Смеялся и Шурик, а Павлик ещё раз посмотрел на вытащенное ведро и узнал его.

— Шурик! — крикнул он. — Мы тут дно очищали, чтобы море не было белым, помнишь? Я тогда ведро это видел.

Отец Шурика осмотрелся и сказал:

— Мы, похоже, на ракушечном огороде находимся. Или на Рыбацкой улице.

— На огороде, — решил Павлик. — Ведро там валялось.

— А наш дом был примерно вон там. Вон в том месте, — указал отец Шурика в сторону, где также ровно разлилась вода.

«Чудно, — подумал Павлик, — на скороде рыбу ловим!»

И они поймали её. Сначала клюнуло у отца Шурика, и он вытащил подъязыка, потом как рвануло поплавок у Павлика, и он приподнял окушка. Шурик завистливо смотрел на них и не заметил, что у него на крючке уже давно сидел маленький ёрш. Рыба словно знала, к кому идти: к большому рыбаку — покрупнее, к Павли-

ку — поменьше, а самая маленькая — к самому молодому из рыбаков.

А ещё через неделю Павлик вместе с целой гурьбой ребят плавал по морю уже не на лодке, а на настоящем буксирном пароходе. Капитаном на нём был Вовкин дядя. Ему нужно было привести от горного берега баржу с кирпичом. Они плыли, а под ними был старый город. Ребята стояли на носу буксира и всё время всматривались в воду, стараясь увидеть хоть какие-нибудь признаки бывлых улиц, но так ничего и не увидели.

5. ЗОЛОТАЯ КНИГА

ВОВКА сказал, что в гидростроевском клубе есть золотая книга. Она большая, очень красивая и сделана, наверное, из чистого золота. Потому так и называется — золотой.

В ней золотой вставочкой и золотыми чернилами написаны имена самых лучших строителей гидроузла. А ключ от шкафа, в котором хранится эта книга, находится у самого директора клуба.

— Мой папа записан в ней, — с гордостью сказал Вовка.

— А мой? — ревниво спросил Павлик.

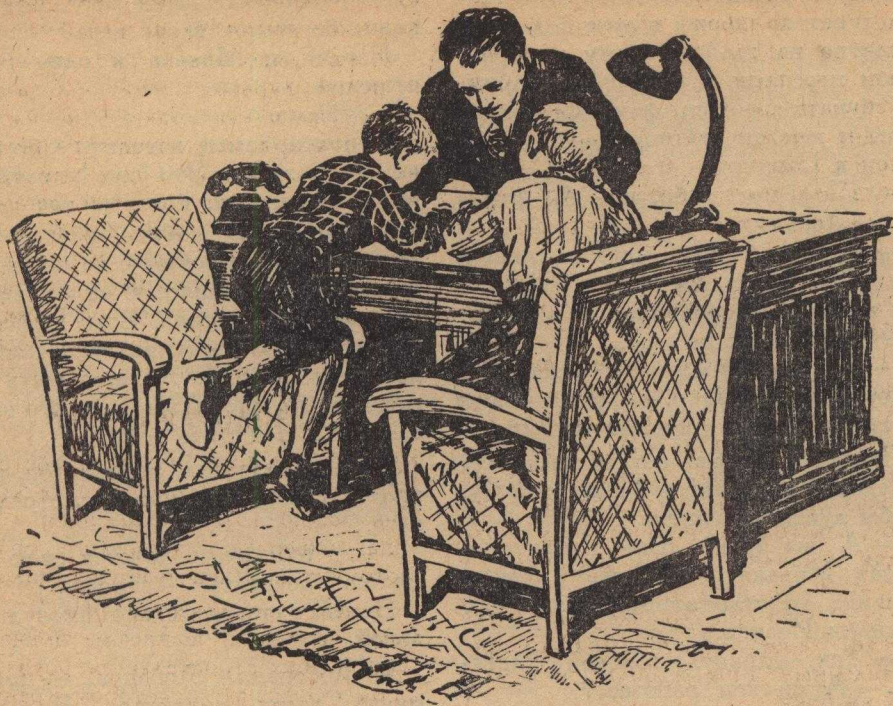
Этого Вовка не знал. Сам он такой книги не видел. Это учительница в классе говорила, что в золотой книге гидростроевцев записан его отец и что ему, Вовке, стыдно получать двойку за кляксы.

Павлик нетерпеливо ждал возвращения с работы отца, чтобы узнать — записан ли он в золотой книге.

— Не интересовался я этим, сынок, — улыбнулся отец.

И Павлик решил: наверное, потому он так уклончиво ответил, что не записали его. Как же так? А Вовкиного записали. И Павлику стало обидно.

С этого дня мысль о золотой книге не давала ему покоя. Он два раза подходил к гидростроевскому клубу и заглядывал в дверь. Даже самого директора видел, но спросить не решался. Если бы пойти вдвоём с кем-нибудь, тогда бы он был посмелее. И решил поговорить с Минькой.

— Пойдём, Минька, спросим. Книга большая, в ней много листов. Может, и твой папка тоже записан. Пойдём!

Минька согласился, но только боялся, как-бы директор не прогнал их.

— Ничего, — обнадеживал Павлик. — Мы ведь только спросим его.

Директор клуба сидел в своём кабинете за большим столом и читал газету. Он недоуменно посмотрел поверх очков на протиснувшихся в дверь ребят и показался таким строгим, что Минька попятился. Павлик удержал его за рукав и шёпотом упрекнул:

— Эх, ты, забоялся!

— В чём дело? — спросил директор и отложил газету.

Минька вздрогнул, а Павлику сразу стало жарко, и у него пересохло во рту.

— Нам... мне... Вовка Курганов говорил... — начал он и сбился.

— Какой Курганов? Что говорил? — наморщил директор переносицу и от этого стал ещё строже.

— Уйдём, Павлик, — шепнул Минька, и директор услышал этот шёпот.

— Ну, ну, смелее. В чём дело? — поднялся он из-за стола, и Павлику

показалось, что директор улыбнулся. — Вы кто такие? Откуда?

Не прошло и минуты, как директор усадил их в большие кресла и, узнав, зачем они пришли, засмеялся, а вовсе не стал ругаться или прогонять их.

— А читать вы умеете? — спросил он.

Павлик переглянулся с Минькой и ответил:

— Короткие слова я умею. А Минька — нет. Вы покажите нам книгу. Она правда, что золотая?

— Правда, — сказал директор, — потому что в ней — имена золотых людей.

— А сама книга?

— А сама книга — обыкновенная, бумажная, но в хорошем переплёте, — сказал директор и направился к большому шкафу, стоявшему в простенке между окон.

— Бумажная, — протянул разочарованно Павлик. — А чего ж Вовка врал?

Минька подавал ему знаки — сидеть тихо, помалкивать, и Павлик засопел носом, сразу наполовину потеряв интерес к какой-то обыкновенной бумажной книге.

— Ну, давайте посмотрим, — сказал директор, держа в руке большую, похожую на альбом книгу в коричневом переплёте с какими-то золотыми буквами. — Как фамилия твоего папы и кем он работает? — обратился он к Павлику.

— Шофёром работает. А фамилия — Лобанов.

— Говори точнее, — сказал директор. — Шофёров на стройке много. Он в какой автоколонне?

Этого Павлик не знал.

— Так как же мы будем искать? — недоумевал директор. — Тут фамилии по строительным участкам указаны.

Павлик и Минька встали на кресла колёсками и подались ближе к столу, чтобы лучше рассмотреть книгу.

— А вы моего папу найдите, — сказал Минька, видя, что с отцом Павлика происходит заминка. — Его фамилия Иванов.

— Так, — кивнул головой директор. — А он кем работает?

— Сварщиком.

Но строительного участка Минька тоже не знал, и директор с явным сомнением покачал головой.

— У-у, брат, а Ивановых на стройке, наверное, ещё больше, чем шофёров.

Но он всё же раскрыл книгу и пробежал глазами по первым листам.

— Вот есть Иванов, — сказал он. И Минька обрадовался, а Павлик завистливо посмотрел на него. — Иванов, — ещё раз прочитал директор. — Яков Савельевич, крановщик.

Нет, не он. Минькиного отца звали Фёдором Ильичом и крановщиком он никогда не работал.

— Это у Шурика отец крановщик, — вспомнил Павлик.

— А фамилия его — Иванов? — поинтересовался директор.

Но ребята не знали фамилию Шурика. Зачем она им? Шурик — и всё. А может, он — Иванов, и это его отец записан, хотя и не в золотой, но всё равно почётной книге.

— А тут самые лучшие записаны? — спросил Павлик.

— Самые лучшие, — ответил директор. — Эти люди небывалую гидростанцию строили, судоходные шлюзы

сделали, создали целое море. Вот они какие богатыри, верно ведь?

Павлик и Минька в один голос ответили:

— Верно.

Конечно, самые настоящие богатыри — это люди. Это они управляют всеми машинами, которых так много на стройке. В кабине портального крана сидит крановщик, на земснаряде находится машинист, на экскаваторе — экскаваторщик... Если шофёр не сядет за руль, машина ведь сама не двинется с места. Хорошо быть богатырём, да ещё таким, которого записывают в почётную книгу!

Павлик вздохнул, и директор, прищурив глаза, пытливо посмотрел на него.

— А тебе очень хочется свою фамилию прочитать? — спросил он.

Павлик утвердительно кивнул головой.

— Лобанов... Лобанов... — припоминал вслух директор. — В одной книге, я знаю, Лобанов есть, — и он взял лежавшую на столе книгу. Правда, она была небольшая и не такая красивая. Даже немножко потрепанная. Директор полистал её и указал пальцем Павлику: — Ну-ка, читай вот тут.

Павлик пристально вглядывался в буквы и шевелил губами.

— Л-об... Лоб... — прочитал он.

— Дальше, дальше давай. Молодец! — подбадривал его директор. — Лоб... а потом ещё — «а». Что получится?

Павлик подумал и сложил буквы сначала про себя, а потом вслух.

— Лоба... — А дальше было совсем просто, потому что оставался короткий хвостик слова. И Павлик прочитал — нов...

Он даже сам удивился, как это у него получилось: Лобанов.

Он повернул книжку, чтобы посмотреть на переплёт, и спросил:

— А она тоже почётная?

— Тоже.

— А почему на ней телефон нарисован?

Директор немного смутился и отвёл глаза в сторону.

— Ну... так... чтобы было красиво.

— Это телефонная книжка, — сказал Минька. — Я видел, мой папа держал такую, когда мы с ним на почту ходили, чтобы на пристань звонить.

Ну и пусть телефонная. Павлик был очень доволен, что увидел напечатанной свою фамилию. Ведь это он сам сумел прочитать хотя и не такое уж длинное, но всё же и не короткое слово — «Лобанов». Оно было таким близким и понятным ему.

— А вы посмотрите теперь тут Лобанова, — сказал он директору, указывая на большую книгу. И как тут случилось — никто не мог понять: должно быть, он зацепил чернильницу локтем и она опрокинулась. Хорошо, что золотая книга лежала в стороне и чернильная лужа не подтекла под неё. А вот была бы беда!

— Да, с вами наберётся хлопот, — сказал директор. Он снова стал строгим и спрятав книгу в шкаф.

— Он не нарочно, — уныло протянул Минька, защищая Павлика.

Директор молчал, вытирая газетой чернила, и Павлик подтолкнул Миньку к выходу.

Что же им оставалось делать? Только уйти поскорее.

В тот же день Павлик увидел Шурика и сказал ему:

— Шурик, если твой папа Иванов, то он в золотой книге записан. Мы видели. Нам эту книгу показывали.

— Ничего он не Иванов, — сказал Шурик, — а Васильев.

6. ЛОСИ НА ЛЬДИНЕ

КОГДА наступила холодная, дождливая осень, Павлику приходилось иногда целыми днями сидеть дома и рассматривать картинки в отрывном календаре, дожидаясь прихода зимы. Она несколько раз собиралась лечь на землю пухлым белым снегом, но снег таял, и на улице опять была сырость и грязь.

А как-то вечером пришёл с работы отец и принёс с собой бумажный кулёчек. Павлик думал, что в нём лежат мятные пряники, которые он любил, но ошибся. В кулёчке сверху лежали два плотно сбитых холодных снежка, а под ними — тоже очень похожие на настоящие — снежки из зефира.

— Ну, какие лучше? — смеясь, спрашивал отец.

В этот вечер сразу напало много снега, и пришла зима. А ночью, когда Павлик спал, мороз разрисовал все окна красивыми искристыми цветами.

Зима... Хорошо было лететь на санках с заснеженного косогора прямо к новому морю, покрытому крепким льдом! Зимой дни были короткие, и пролетали они незаметно, а когда стали прибывать, то полетели ещё быстрее.

Один раз вечером отец взял карандаш и подсчитал, какой путь сделал Павлик на своих санках. Вышло, что он за зиму больше ста километров проехал, если считать, что только по двадцать раз в день спускался с косогора.

Была зима — морозная, ослепительно яркая от белого снега. Вдруг снег постарел, стал жёстким и серым, а изпод него один за другим побежали весёлые ручейки. Если присесть над таким ручейком, то будет слышно, как он звенит, а отойдёшь немного в сторону, — умолкнет. Но всё равно так же быстро бежит и бежит.

У Павлика в руках были щепки. Одну за другой он пускал их в ручей и наблюдал, как, подхваченные водой, они стремительно уносились к самому морю.

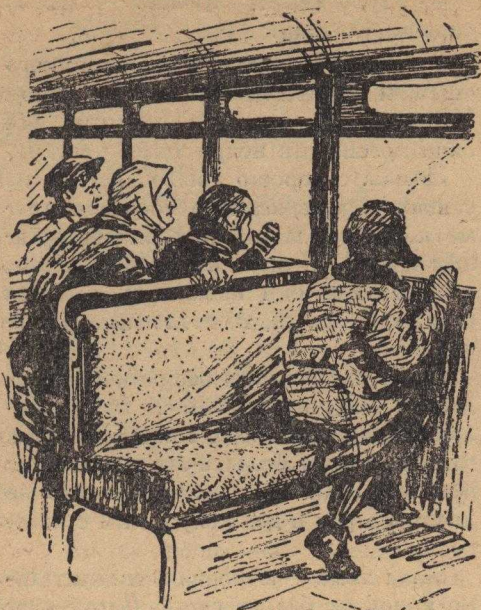
— А я сейчас поеду оспу прививать, — похвалился подошедший к нему Минька.

Он был одет по-праздничному. На ногах — новые, ярко поблёскивающие галоши, на шее — вязаный голубой шарфик.

— А с кем поедешь? — спросил Павлик.

— С кем?.. Известно с кем. С бабушкой. А мама будет мне сама прививать, — почувствовав своё превосходство над Павликом, сказал Минька.

Павлику тоже захотелось прививать оспу. Он бросил оставшиеся щепки и побежал домой. Минькина бабушка как раз была у них: зашла, чтобы оставить ключи. Павлик прямо с разбегу кинулся к матери, обхватил её ноги руками и, нарочно всхлипывая, занял:

— И я... И я хочу оспу...

Всё произошло так быстро и хорошо, что он даже удивился. Не надо было выжимать из глаз слёзы и добиваться согласия матери плачем. Минькина бабушка засмеялась и потормошила шапку на его голове.

— Миленький, оспу захотел... Пусти его, мать... Им с Минькой веселей вдвоём будет.

И мать отпустила Павлика, только заставила чистую рубашку надеть.

Прививать оспу они поехали в автобусе. Ехать надо было далеко, в Шлюзовой посёлок. Там в поликлинике Минькина мама работала медицинкой сестрой.

Павлик сидел у окна и смотрел, как мимо него проносились новые дома, уже успевшие занять всё побережье. Автобус огибал море, и вдали, как высокий мост, показалась водосливная плотина гидростанции.

На Волге был ледоход. По одну сторону плотины, там, где море брало своё начало, вода стояла высоко. Льдины подплывали к пролётам плотины и с огромной высоты рушились вниз вместе с потоком вздувшегося огромного вала воды. А внизу, за плотиной, Волга протекала, теснясь в своих прежних берегах.

— Смотрите, смотрите! — крикнул кто-то из пассажиров. — Что это?!

По набережной бежали люди, что-то крича и размахивая руками. Шофёр затормозил, и автобус остановился. Все пассажиры смотрели в окна, и Павлик тоже приплюснулся носом к стеклу. Перед ним был широкий волжский разлив, по которому плыли большие и малые льдины. Павлик беспокойно оглядывал берег, воду, не понимая, в чём дело, и вдруг увидел, как на одной большой льдине, прижавшись друг к другу, стояли то ли лошади, то ли коровы.

— Лося! — крикнул шофёр и отчаянно замахал руками. — Куда вы?.. Куда?

Но лося, конечно, не могли услышать его, и шофёр безнадежно опустил словно сразу уставшие руки.

— Эх, пропадут ни за что! — с горечью вздохнул он. — Что же делать-то, а?.. Что делать?

Он выскочил из кабины, а кондуктор и все пассажиры тоже заволновались и кинулись к открывшимся дверям. Павлик и Минька мигом очутились на набережной.

— Шуметь надо!.. Спугнуть!.. Чтобы они в сторону кинулись! — кричал громче всех шофёр. — Сигналь! — крикнул он, пробегая мимо остановившегося грузовика.

И грузовик загудел, засигналил. Его тревожные, громкие гудки подхватили другие машины, послышался зычный посвист, кто-то неистово заколотил палками по железу. Павлик и Минька изо всех сил визжали и махали руками, стараясь спугнуть лося со льдины. А льдина всё так же плыла и плыла, и только ещё плотней сбились на ней перепуганные лося. Но вот один из них подошёл к краю льдины, нагнул голову и потом, стремительно закинув на спину большие ветвистые рога, кинулся в воду. За ним бросились в воду и остальные лося.

Это очень обрадовало всех. Люди стали ещё громче кричать, свистеть и хлопать в ладоши. Многие побежали, чтобы встретить приближавшихся к берегу лося. Павлику с Минькой тоже не терпелось стоять на месте.

— Лоси!.. Лоси!.. — кричали они.

Страшна была лосям ненадёжная льдина, пугала поднявшаяся вдали громада плотины, и они, словно поныя, какой путь спасения указывали им люди, поплыли к берегу. Они так бы и вышли прямо сюда, на дорогу, если бы громкие крики не смутили вожака. Он вдруг круто повернул в сторону, устремляясь к середине Волги, и за ним послушно повернуло всё стадо.

— Раз, два, три... — считал кто-то. — Шесть, семь, восемь...

Лосей было двенадцать, и все они уплывали, стараясь пересечь Волгу. Но быстрое течение сносило их к плотине, и преодолеть его они не могли. Уже миновала пролёт и рухнула вниз та большая льдина, на которой они недавно стояли; всё упорнее сопротивлялся вожак, стараясь выше задраить приподнятую над водой голову с кустом запрокинутых рогов, но его то крутило на месте, то снова неудержимо влекло к плотине.

У Павлика защемило дыхание. Минька стоял с широко раскрытыми, испуганными глазами, боясь шевельнуться. И такая вдруг удивительная тишина сковала всё. Павлик хотел зажмурить глаза, чтобы не видеть ничего, и в то же время боялся упустить эту страшную минуту, когда свершится неотвратимое. Одного за другим будто засасывали лосей пролёты плотины, чтобы с высокого гребня швырнуть вниз вместе с непрерывающимся обвалом грозно шумящей воды.

— Ой!.. — громко вырвалось у Миньки.

И налетевший с Заволжья ветер зароптал, зашумел в чёрных сучьях прибрежных деревьев.

— Внучек, Минька... Оспа-то!.. — крикнула стоявшая у автобуса бабушка.

— Не нужна твоя оспа. Оспу каждый день прививать можно, а лоси... — не до-

сказал ей Минька в ответ и, не чуя ног под собой, побежал, чтобы увидеть, не покажутся ли лоси в кипящем бешеной пеной потоке, падавшем с высокой плотины. И Павлик побежал вместе с ним.

Их обгоняли другие люди, а они, в свою очередь, тоже обгоняли кого-то из менее расторопных. Заглушая все голоса, внизу, за плотиной, ревела вода, захлёбываясь в своей ярости. Пронизанные солнцем пенистые потоки её стремительно уносились вперёд. А вода с плотины всё падала и падала почти отвесной стеной.

Автобусный шофёр, оказавшийся впереди ребят, что-то выкрикивал, указывая на волжскую даль, но его слов нельзя было разобрать за шумом воды. Ухватившись за его руку и поднявшись на носки ботинок, Павлик увидел, как далеко-далеко, уже на успокоенной глади реки, показалась чёрная точка. Потом другая, третья, четвёртая... Уменьшённые расстоянием, маленькие, как козлята, лоси через две-три минуты поднялись на крутые уступы правобережья и сразу же скрылись в лесу.

— Восемь, — насчитал их шофёр.

А может, он ошибся? Может, все лоси вышли на берег.

— Вот это пловцы! — восхищённо говорил шофёр, возвращаясь к автобусу. — С такой кручи слететь и снова на берег выбраться!

— А как они на льдину попали? — спросил Павлик.

— Попали, — вздохнул шофёр. — Понадеялись, наверно, что по земле ходили, а под ними замёрзшее море было. Вот льдина-то и оторвалась, понесла их с собой... Эх, жалко, что мы их шумом спугнули, может, вышли бы к нам... Ну, ладно, поехали... Товарищи пассажиры, извиненья прошу за задержку. Сами видите, дело такое... — смущённо сказал он и полез в кабину.

Автобус дал короткий гудок, и ребята поехали в поликлинику прививать оспу.

Мы — разведчики!

Чёрный грач на ветку сел,
Лес знакомый оглядел,
Заложил крыло за спину,
Стукнул клювом:

— Как дела?

— Что с весной?

— Уже пришла?

А внизу под той же вербой

Вдруг подснежник —

Самый первый —

Из-под листьев

прошлогодных

Тихо вылез:

— Как дела?

— Что с весной?

— Уже пришла?

— Снег сошёл ли?

— Много ль света?

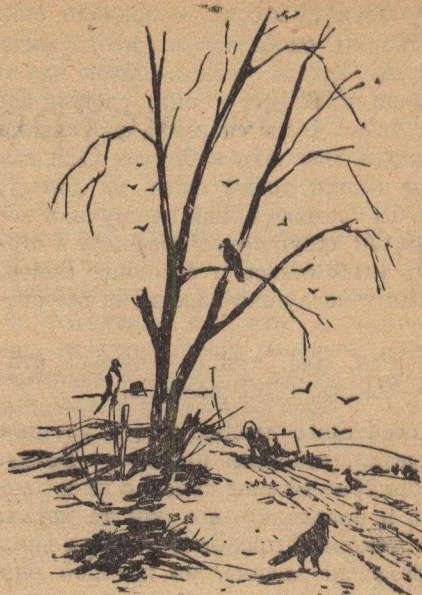
— Лёд не тает отчего?

Нас сюда послало лето.

Мы — разведчики его!

В. НИКОЛАЕВ

Рис. А. Крутцова

Всё равно придёт весна!

Не в ладах мороз с весною —
Лужу коркой ледяною

Затянул опять.

Вздумал воевать!

Не сдаёт своих позиций,

Разбуянился... Грозится

Землю заковать,

Зиму отстоять!

На карниз вчера за вечер

Нацепил сосулек свечи,

И, весне назло.

Расписал стекло...

Он до треска давит ели,

Гонит снежные метели:

За зиму привык

Властвовать старик!

Но хохлатый воробей

С каждым часом веселей.

Прыг да прыг!

Чик-чирик!

И поёт не о метели,

А о солнце и капели.

Л. СЛУЦКАЯ

Так устроен компас...

РАССКАЗ

ИЮНЬ — время тепла и света, время утиных гнёзд и незаходящего солнца. На Севере только в июне кончается власть зимы.

Ещё в конце мая сплыл по реке последний обломок льда, ослепительный и чистый как весна. Стрелками поднялась молодая трава. Оттаяли промороженные до звона кедры. Даже вытертые ледоходом береговые кусты вдруг расцвели и зазеленели.

На земле дымятся бурые прошлогодние листья, корёжятся от тепла, сворачиваются в трубки; дымятся серебристые от мха стволы; дымятся опавшая хвоя. Кажется, сам воздух дымится, и под кронами елей лучи солнца протянулись голубыми столбами.

Зимой в тайге сто дорог, иди куда хочешь. А сейчас валежник затаился в густой траве, маскируется, всякому проходящему норовит дать подножку. Луговины стали болотами, поляны — озёрами. Путь по тайге извилист и труден.

Из тайги на обогретую солнцем поляну вышел паренёк. Поведя плечами, он поправил мешок за спиной, посмотрел назад и, мотнув головой, сплюнул. На его скуластом лице появилась гримаса неудовольствия.

— Ну, долго ты там? — крикнул он.

— Иду - у, Стёпа-а-а... — отозвался кто-то из тайги.

Из-за дерева, словно с ветки, прыгнул, вынырнул мальчик, такой же скуластый и тоже с мешком. Он встал на четвереньки, сопя пролез под лесину, через которую только что перешагнул Степан, и улыбнулся.

— Жарко...

— То тебе жарко, то тебе холодно... Давно бы дома были!

— Я и так бегом бегу, — сказал мальчик, ничуть не обижаясь, — я ведь не лошадь. — В его глазах запрыгали смешинки. Видно, ему понравилось это сравнение, и он повторил ещё раз: — Конечно, я не лошадь.

— Не мели! — приказал брат. — Идём!

— Я расстегнусь? — мальчик оттянул воротник ватника и покрутил шейей. — Жарко!

— Не смей! — сказал брат и шагал дальше.

— Ну тогда

вот!.. — крикнул мальчик, срывая с головы шапку. — Ладно?

— Ладно, — ответил брат, не оборачиваясь.

Они шли уже часа три. В мешках, которые висели у них за спиной, лежало по восемь килограммов муки: груз разделили поровну. Но сил у них было совсем не поровну. Младший быстро устал и всё время отставал.

На стройку, куда их послала мать, они приплыли пароходом. В магазине была мука двух сортов: белая и белоснежная. Они купили белоснежной и теперь шли напрямик, тайгой, потому что на обратную дорогу не осталось денег.

Роса ещё не высохла. Маленькие солнца выглядывали из каждой капли. Мальчик с сожалением смотрел, как они скатывались вниз и гасли под каблуком. Ему надоело идти молча.

— Стёп, а за муку нам не попадёт? Мамка сказала купить по три десяти.

— А купили по пять. И всё! — ответил Степан.

Мальчик занёс руку за спину и, придерживая мешок, пробежал несколько шагов, догоняя брата. Нога поскользнулась на мокрых листьях. Он упал. Мешок стукнул его по спине, вспыхнуло облачко белой пыли и плавно опустилось на землю. Несколько секунд мальчик не двигался. Прижавшись щекой к земле, смотрел, как, сев на каплю росы, шевелилась, словно живая, и быстро темнела пылинка. Подниматься с прохладной земли не хотелось.

Брат остановился. Мальчик вскочил и, глядя себе под ноги, принялся отряхивать листья.

— Последний раз я с тобой пошёл! Понял?

Мальчик ничего не ответил, проверил, не развязался ли мешок, и шагнул вслед за братом. Некоторое время слышалось только шуршанье травы и треск сучьев под ногами. Постепенно с лица мальчика сошло выражение озабоченности, он улыбнулся каким-то своим мыслям и, не выдержав, снова крикнул:

— Стёп, а скажи, почему большие всегда кричат на маленьких? Нет, ты скажи, а?

Степан не отозвался.

Через полчаса сзади снова послышалось:

— Стёпа-а-а, подожди-и-и...

Задержавшись, Степан услышал торопливую припрыжку и шумное дыхание мальчика. Он видел, что брат старается изо всех сил, но всё-

таки раскрасневшийся, путающийся ногами в траве мальчишка вызывал у него раздражение. Это раздражение объяснялось просто: Степан тоже порядком устал. Но он не хотел показывать этого, а разговаривал с братом сурово потому, что самый простой способ скрыть свои слабости — это свалить их на другого. Он сердился на себя, а кричал на мальчишка:

— Давай, давай!.. Устал, что ли?

— Тебе хорошо, у тебя сапоги, — сказал мальчик. — А у меня ботинки. В них уже чавкает. Слышишь? — В его голосе не было ни малейшей обиды. Так уж повелось, что старшие всегда кричат и командуют. Так было всегда. И будет вечно. И, в конце концов, к этому можно привыкнуть.

Степан посмотрел на мокрые ноги брата, взглянул на свои толстокожие, добротные сапоги и впервые за всю дорогу не нашёл что ответить.

— Ладно, — сказал он после раздумья, — снимай. Сейчас костёр разожжём.

Через несколько минут они сидели у костра, и мальчик, протянув к огню побелевшие, словно выстиранные ступни, снова пытался завязать разговор:

— Стёп, а ведь тебе дома влетит за курево! Придём, мамка скажет: «дыхни». Дыхнёшь, а?

Степан, занятый раскуркой громадной, неуклюже слепленной самокрутки, негодуя мотнул головой, поперхнувшись дымом.

— А мне что... — торопливо сказал мальчик. — Мне ничего... Я-то не скажу. Она сама узнает. Стёп, а правда, что на Гнилом покосе комары лакшеевскую корову зажрали?

— Их и здесь хватает, — ответил Степан и дунул дымом, стараясь попасть в самую середину плотного комариного облака. — А насчёт коровы: рога да шкура остались. А так — всю высосали.

— И кости?

— Нет, кости, вроде, тоже остались. Только никто их не видел. Сам-то Лакшеев на покос не лазил — побродил с краю. Говорит: рога тор-

чат на серёдке. А может, это и не рога, а сучок.

— Может... — согласился мальчик. — Только коровы у него теперь нет.

— Сейчас на Гнилой идти можно, только если ветер дует, — продолжал Степан. — Иначе — заедят. Самое их время.

— Точно. Они сейчас вылуپляют, — подтвердил мальчик. — А ты бы пошёл?

— Ну да!.. С тобой ещё я пошёл бы! — внезапно рассердился Степан. — Ты на твёрдом-то месте ровно хромой!

— А один?.. — настойчиво допытывался мальчик.

— Вот смола! — окончательно разозлился Степан. — Ну... Если нужно... тогда... Чего пристал!

Не хватило у Степана духу ни соврать, ни правду сказать. Конечно, и один не пошёл бы он через Гнилой покос.

Июнь — время тепла и безветрия. Июнь — комариный месяц.

Ступи ногой — и везде, где есть хоть немного воды и тени в ложбинах, в прибрежном тальнике, на болоте, — вскинется в воздух звонкий серый клубок. Можно задыхаться в накомарнике, мазаться дёгтем, залезть в самую середину костра — бесполезно. Среди миллионов всегда найдутся тысячи, которые не боятся ни дыма, ни дегтярного запаха, ни

взмахов рук. А на Гнилом покосе комаров было столько, что даже лоси обходили его стороной в это время.

— Нет, я бы ни за что не пошёл, — сказал мальчик.

— Может, мы тут и заночуем? — сердито спросил Степан, которому этот разговор был явно не по душе.

— Я сейчас... — заторопился мальчик. — Видишь, ботинки от огня скорёжились: не одеть. А горячо! — обрадовался он, сунув ногу в нагретый ботинок. — Вот всегда бы так!

Степан просунул руки в лямки мешка и, не оглядываясь, пошёл вперёд. Он прошёл всего несколько шагов и вдруг, провалившись ногой куда-то под землю, упал на бок. Мальчик засмеялся и крикнул:

— Последний раз я с тобой пошёл! Понял? — и... умолк, увидев, как внезапно изменилось лицо брата. — Ты чего, Стёп? — шёпотом спросил он, подбежал к брату и потянул его за плечо. Тот приподнялся на руках, и удивление на его лице сменилось выражением страха и боли. Он медленно опустился на живот, зажёб горстями траву и потянул её к себе, выдирая с корнем.

— Стёпа-а! — в ужасе крикнул мальчик. — Стёпа-а-а!

— Нога-а... — простонал Степан. Он не шевелился, только пальцы его с побелевшими суставами то сжимались, то разжимались.

Услышав голос брата, мальчик немного успокоился.

— Ты за меня держись, — просительно сказал он, опускаясь на колени и подставляя плечо.

— Уй-ди! — сквозь зубы ответил Степан.

Мальчик в растерянности смотрел на беспомощную фигуру брата. По растрепавшимся волосам Степана деловито, словно ничего не случилось, сновали муравьи. Нога, застрявшая в отнорке, изогнулась необычно, неправильно — вбок. Так не должны гнуться ноги.

На коленках мальчик прополз до отнорка и руками стал выдирать траву.

— Уй-ди!.. — И, уже не сдерживая боли, Степан застонал.

— Сейчас, Стёпа, откопаю только. Откопаю и пойдём, — заторопился мальчик. Он скоблил ногтями проплетённую корнями землю. В глубине она была сухой и твёрдой.

Когда пальцы мальчика касались сапога, спина Степана вздрагивала и напрягалась.

— Теперь можешь, Стёп?

Степан перевалился на спину, попытался сесть, но каждое движение отзывалось беспощадной болью.

— Не могу... — с усилием сказал Степан. — Один... дойдёшь? Сашок... позови людей.

— Ты попробуй, Стёпа... Я дороги не знаю.

— Дурак! — крикнул Степан. — Я ногу сломал! — и снова заговорил тихо, отделяя слова большими паузами: — У меня... в кармане... компас. Дстань. У стрелки один конец красный... Видишь?

— Вижу.

— Иди, куда... показывает, — выйдешь к реке... Кричи... На той стороне Байкит... Только никуда не сворачивай...

Чёрная коробочка с дрожащей стрелкой лежала на ладони мальчика.

И внезапно ему стало страшно.

Небо над головой, напоённая солнцем молчаливая тайга. Тишина. Всё это было громадно по сравнению с маленькой пугливой стрелкой.

— Иди, Сашок, — проговорил Степан. — Как-нибудь... Никуда не сворачивай.

Неуверенно, беспрерывно оглядываясь, мальчик пошёл через полянку.

— Не сворачивай! — крикнул Степан ему вслед.

Деревья расступились и сомкнулись сзади. Шум шагов не стихал сразу, и за спиной долго ещё что-то шелестело и потрескивало. Шорохи разлетались по сторонам, стукались о стволы деревьев, приходили обратно. В молчании тайги было что-то затаённое. Казалось, вот-вот всё вокруг взорвётся, закружится и понесётся вперёд со свистом и уханьем.

Одиночество охватило мальчика. Внезапно обострившийся слух улавливал каждый шорох, и он побежал, стремясь уйти от этих, сходящихся со всех сторон звуков. Только раз он остановился, чтобы взглянуть на компас, и сразу же почувствовал, как ноют натруженные лямками плечи. Второпях он забыл снять мешок.

Мальчик скинул мешок, поставил его на сухом месте, у подножья дерева. Отойдя несколько шагов, оглянулся. Мешок, пятнистый от солнечных лучей, пробивающихся сквозь листву, сливался с обомшелыми бугорками, и мальчик не сразу отыскал его взглядом. «Потом не найди, — подумал он — пропадет...» —

вернулся и снова вскинул мешок за плечи.

Лес впереди посветлел. Над головой распахнулось небо. Далеко впереди, ломаясь в тёплых струях, плыла в воздухе кромка леса. По сторонам раскинулось кочковатое жёлтое поле. Ему не было конца ни справа, ни слева. На маслянистой воде между кочками застыло тусклое, неживое солнце. Тяжело и неподвижно обвисли длинные стебли болотных трав. Это был Гнилой покос. Мальчик узнал его сразу, хотя раньше никогда не видел. Узнал по свинцовому блеску воды и по еле уловимому звону, который, как говорили, всегда стоял в июне над Гнилым покосом.

Красный конец стрелки показывал прямо на болото. Мальчик встряхнул компас; стрелка заметалась под стеклом, покачалась из стороны в сторону и снова замерла в прежнем положении. Тогда он осторожно стал поворачивать коробочку, надеясь, что всё-таки стрелка показывает неверно. Может быть, она зацепилась или случилось что-нибудь другое... Ведь это неправильно, что он, восьмилетний мальчик, должен идти прямо туда, где, наверное, валяются рога дурной лакшеевской коровы. Но как он ни старался обмануть упрямую стрелку, она показывала в одну сторону — на болото.

А если не сделать так, как приказывает стрелка, Стёпка останется лежать в лесу с ногой, изогнутой нелепо, как ложка в стакане с чаем.

И мальчик пошёл прямо. Он ступил на податливую, пружинящую, как матрац, землю и сразу провалился по колено. Маленькие юркие пузырьки защебетали возле ноги. Болото вздохнуло, неохотно выпуская ногу. Второй шаг был таким же трудным. Но скоро земля стала твёрже, и он пошёл быстрее. И тогда снова слышался тихий неумолчный звон. Он висел над болотом — монотонный, идущий со всех сторон, как будто звенели и земля и воздух.

На кистях рук шевелилось что-то прилипчивое и колющее, как шелуха.

Комары! Мальчик не заметил их сразу потому, что их было слишком много. Они были, как воздух, они облепили одежду, шапку и каждую клеточку голой кожи. Мальчик побежал, но серое облако по-прежнему плыло над головой — живое, беспокойное, неутомимое.

Кончилась твёрдая поляна, и нога с размаху погрузилась в трясины. Мальчик упал плашмя. Кочки охотно расступились, пропуская тело. Что-то холодное цепко схватило за ступню. Он рванулся. Колыхнулся мягкий живот земли, вздрогнули соседние кочки. Болото не отпускало.

И тогда мальчик заплакал. Он не думал ни о чём в этот момент, он слишком устал и измучился, чтобы думать. Он просто лежал и плакал.

Комары облепили лицо и шею, но он не чувствовал боли. Боль в каждой точке тела — это уже не боль, а только тяжесть. Он провёл рукой по лицу. Комары посыпались в воду. Но на смену им с тупым комариным бесстрашием бросились новые. Их было много, их нельзя было разогнать, как нельзя разогнать воздух.

Мальчик оперся руками на кочки и начал осторожно раскачивать ногу. Трясина отпускала неохотно, по сантиметрам. Выдернув ногу, он прополз несколько метров на животе и встал. Промокший мешок стал ещё тяжелее. Лямки врезались в набухший ватник, но тяжесть мешка не ощущалась отдельно: он как бы слился с одеждой, припаянной водой к телу.

Мальчик разжал кулак. Пучок травы скатился с ладони. Компаса не было.

И тогда он снова заплакал.

Но слёзы мешали видеть. Он вытер глаза кулаком, лёг на живот и принялся шарить в илистой воде между кочками. Перед лицом запрыгали пузыри. Склонившиеся над головой кустики травы показались ему непомерно большими, как деревья. Они закрыли горизонт и солнце. На краях стеблей чётко выделялись зазубрины. И мальчику вдруг показалось, что он стал очень маленьким, как муравей, и может теперь ползти

по этим стеблям и не проваливаться больше в воду.

Наконец он нащупал коробочку компаса и с трудом встал на ноги. Под стеклом, в жёлтой воде по-прежнему неподвижно стояла стрелка.

Мальчик пошёл вперёд. Он шёл, оступаясь на кочках, разбрызгивая воду, шёл с бесстрашием бесконечно уставшего человека.

Под ногами перестало чавкать. Колочая ветка хлестнула по лицу, и это было даже приятно: будто почесала зудевшую кожу. Показались прибрежные кусты, но мальчик не увидел их. Он уже почти ничего не видел: брови и веки оплыли от укусов, кожа напухла, стала упругой, как сырое тесто.

Он сел на песок у самой воды. Услышал гудок и клёкот воды за кормой. Снизу шёл пароход. На пароходе играло радио, и до берега доносились музыка, вздохи машины и громкий разговор. Звуки не смешивались и были слышны каждый в отдельности. Говорил уверенный густой голос:

— ...А в Красноярске на самолёт — и в Сочи. Вода — двадцать девять градусов... Пальмы! Мандарины прямо с дерева! Представляете?

Мальчик разлепил пальцами веки. Пароход шёл близко. У перил лицом друг к другу стояли двое мужчин.

— Э-э-э-й, дя-а-денька! — крикнул мальчик.

— Мандаринов ещё нет, — ответил другой голос, — они в октябре...

— Э-э-э-й, сто-о-йте! — снова крикнул мальчик и замахал руками.

На этот раз его услышали. Мужчины повернулись, и один из них тоже помахал рукой. Вдоль берега, шипя, прокатилась волна. Пароход скрылся за поворотом.

Перед глазами мальчика поплыли большие искрящиеся шары. Всё происшедшее сегодня, казалось, было давно-давно. И очень хотелось спать. Он прижался щекой к мокрому песку и подумал устало: «Стёпка, наверное, умер...».

«Стёпка умер... Стёпка умер...» — застучало в висках, и, когда смысл этих слов дошёл до сознания, мальчик вскочил на ноги. Вернее, ему показалось, что вскочил. Он поднялся медленно, с трудом расстегнул ватник и сбросил его вместе с мешком. Затем снял штаны и машинально прикрыл ими мешок с промокшей мукой.

Из-за кустов выплыла лодка. Две женщины, сидя между копёнками сырого сена, не спеша гребли по течению. Они увидели мальчика и бросили вёсла.

Он стоял по пояс в воде, съёжившись, и всхлипывал. Потом шагнул вперёд, поплыл, мотая головой, крестя воду неуклюжей мальчишечьей сажёнкой. Плыл он как-то странно: правая рука загребала ладошкой, левая — кулаком.

— Купальщик! Дурной! — крикнули женщины.

Мальчик поднял голову из воды, и они увидели его распухшие, слепые веки.

Когда его втаскивали в лодку, из разжавшегося кулака выкатилась и упала на колени одной из женщин чёрная коробочка компаса.

...К вечеру Степан уже лежал в больнице. А мальчик только через два дня снова увидел солнце.

Его спросили:

— Зачем полез в болото? Обойти не мог?

— Стёпка сказал: «не сворачивай», — ответил он.

— Ну, а вплавь-то зачем? Ширина здесь — километр, а то и больше. Утонул бы...

— Стёпка сказал: «не сворачивай», — упрямо повторил мальчик и нахмурился. — У меня был компас... И стрелка показывала всё время прямо. Я же не виноват, что он так устроен...

Н а г о н

РАССКАЗ

С ЗАХОДОМ солнца сразу подул холодный, порывистый ветер. Он раскачивал высокие стволы сосен и сердито трепал их раскидистые кроны. По тёмному небу, обгоняя друг друга, низко неслись лохматые тучи. Вечерняя синева быстро исчезла, и тёмная осенняя ночь спускалась на землю. Когда я с товарищем подходил к дому лесника, начал накрапывать дождь.

С раннего утра мы бродили по окрестностям и только к полудню нашли хорошее место кормёжки косачей. Оно находилось на берегу лесного ручейка, заросшего низкорослыми берёзками и кустами тальника. За ручьём сразу же начиналось топкое болото. Здесь, на краю небольшой поляны, из берёзовых веток и жердей я сделал себе шалаш. Мой товарищ, Павел Фёдорович Румянцев, оборудовал свой складок за перелеском, в трёхстах шагах от меня.

Мы хотели дожидаться вечернего вылета чернышей, но расхолодившаяся непогода заставила нас покинуть шалаши.

Томительно было сидеть в избе лесника. Ветер уныло завывал в трубе и царапал по стене веткой растущей поблизости рябины. Мы приуныли, разговор не клеился.

Я забрался на печь, улёгся поверх одеяла и предался размышлениям. Павел Фёдорович с хмурым лицом сидел за столом и курил.

— Давай-ка соснём, — предложил я ему. — Чего кручиниться — мы ж охотники! Перетерпим.

— Это верно. Погода не всегда балует охотников, — ответил Румянцев. — Утро вечера мудренее...

Он лёг рядом со мной и через пять минут уже храпел.

Было ещё совсем темно, когда нас разбудил лесник.

— Везёт вам, ребята! Ух, как заголодало!.. — сказал он, потирая руки. — Утром хороший вылет будет. Только, смотрите, к шалахам не опоздайте.

Я оделся и вышел на крыльцо.

Луна склонилась к западу. Звёзды гасли — они точно таяли в глубине ясного неба. Лужи затянулись крепким льдом. Серебристым инеем покрылись оголённые кусты и трава. День обещал быть погожим.

Мы повеселели. После плотного завтрака, взяв ружья и рюкзаки, мы вышли из избы. На востоке уже появилась розовая полоска: занималась заря. Через огород лесника мы поднялись на косогор и напрямик спустились к дороге. Пройдя по ней километра два, мы свернули в густой молодой ельник и зашагали по узкой тропе. Минут через двадцать показалась просека. Отдохнув на поваленной сосне, мы вышли на визирку, которая привела нас к отлогому берегу ручья. Отсюда мы разошлись по своим шалашам.

Пока я устанавливал чучела, небо посветлело, в воздухе разлился неясный свет утра, деревья заметнее выступили из темноты. Лёгкий ветерок потянул с Ладоги.

Собрав охапку сухой травы, я забрался в шалаш и стал ждать. Чучела чуть-чуть покачивались на высоких шестах, и косачи не могли их не заметить. Вскоре над шалашом, каркая, пролетела ворона. На полувзасохшей берёзе появился крикливый дятел и деловито застучал крепким клювом. Где-то в зарослях тальника тревожно закричали сойки. Я не заметил, как на берёзу за моим чучелом сел черныш и, расправив хвост лирой, качался на тонкой ветке. Он был вне выстрела. Через некоторое время вдоль ручья протянула стая косачей и, как будто не видя моих чучел, свернула в сторону Румянцева. В этот момент в кустах позади меня раздался шорох. Я насторожился. Шорох повторился, и я услышал, как под чьими-то осторожными шагами хрустнула ветка. Я быстро обернулся и увидел, как какой-то зверь длинной тенью скользнул среди берёзок и притаился в кустах наискосок от меня.

— Волк!.. — мелькнуло у меня в голове. — Так вот почему косачи не садятся!..

Всматриваясь в кусты, я торопливо достал картечь и перезарядил ружьё. В этот момент до меня донёсся шум слева. Он быстро нарастал. Вскоре треск ломаемых сучьев и топот были где-то вблизи. По шуму я понял, что бежит крупный зверь — и не прямо, не тропой, а зарослями и в мою сторону. Всё это было так неожиданно, что мне стало не по себе. Я сжался и не смел пошевелиться. Но, когда топот раздался совсем рядом, я переборол в себе страх и, раздвинув стенку шалаша, приготовился к выстрелу.

Вдруг на поляну стремительно выскочил лось с запрокинутыми на спину рогами. Сделав три прыжка, он повернул голову назад и замер. Лёгкий пар вылетал у него изо рта, бока круто вздымались. Потянув носом, он рванулся вперёд и стрелой понёсся к ручью. В этот момент на поляну, один за другим, вынеслись два волка и бросились за ним. И тут же из кустов наперерез лосю кинулся третий волк.

Лось промелькнул в десяти шагах от меня. Я вскочил, опрокидывая шалаш. Лобастый хищник с оскаленной пастью пересекал путь лосю. Вот он уже в пяти шагах от него... Ещё прыжок и... Я вскинул ружьё и выстрелил. Волк перевернулся и упал. Обезумевший лось, поджав задние ноги, одним широким прыжком перемахнул через ручей и, сделав два скачка, ткнулся мордой в мох. Стараясь вытянуть увязшие в топи ноги, он вздыбил и, теряя равновесие, тяжело плюхнулся на бок...

Я круто повернулся вправо и обомлел... На поляне к кустам врассыпную убегали пять волков.

«Вся стая здесь!..» — пронеслось у меня в голове, и неожиданно для себя я заорал истошным голосом:

— Сю-ю-да-а! Ко мне-е! Сю-да-а! Па-а-вел!..

Несколько мгновений я не мог сообразить, что мне надо делать, а затем опомнился и навскидку выстрелил в ближнего волка. Сквозь

дым я увидел, как он опрокинулся и вцепился зубами в заднюю ногу; остальные скрылись в кустах.

Пока я заряжал ружьё, раненый волк, волоча перебитые ноги, уполз в кусты.

— Что случилось? — ещё издали крикнул Румянцев.

Я молча показал на ручей и устало опустил на пень. Лось лежал на боку, наполовину погружённый в ржавую воду.

— Некогда сидеть... Давай поможем, ему не встать — затянет, — ни о чём не расспрашивая, колко проговорил Павел Фёдорович и, сбросив рюкзак, начал рубить берёзки.

Как только мы, взяв срубленные берёзки, перешли через ручей, лось, пытаясь подняться, отчаянно забил ногами. Комья чёрной грязи и клочки моха полетели во все стороны. Он фыркал, и какие-то стонущие звуки

вместе с натужным дыханием вырывались из его груди. Он всё глубже погружался в топь. Наконец зверь выбился из сил, судорожно вытянул шею и, повернув голову в нашу сторону, затих. Обречённость и предсмертная тоска были в его взгляде. Он словно просил нас о помощи.

— Нужна пара толстых тесин, без них не встанет, — осторожно обходя вокруг лося, проговорил Румянцев.

Пока мы подкладывали под лося тесины и делали настил, он лежал без движения и широко открытыми глазами смотрел на нас.

— Теперь выкарабкается!.. — вытирая шапкой вспотевший лоб, проговорил Павел Фёдорович.

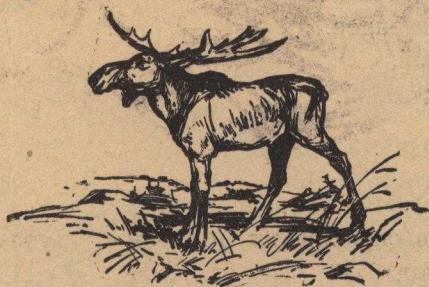
Мы отошли к берегу. Лось мотнул головой и сильным рывком повернулся на живот. Почувствовав под собой опору, он подогнул колени и с шумом поднялся. Ноги его дрожали. Осторожно ступая на кочки, он прошёл мимо нас и перебрёл через ручей. Потом, косясь на убитого волка, вышел на поляну, отряхнулся и лёг.

Раненного мною волка Румянцев добил в буреломе, шагах в двухстах от поляны.

— Это он, старый бродяга, организовал «нагон», — снимая шкуру с матёрого зверя, сказал Павел Фёдорович.

Было близко к полудню, когда мы с волчьими шкурами в рюкзаках вышли на дорогу. Вскоре стук копыт по мёрзлой земле заставил нас оглянуться. По обочине дороги, срывая ветки, шёл «наш» лось. И только в ста метрах от дома лесника он свернул в заросли осинника. Мы переглянулись.

— «Спасённый!» — проговорил Румянцев, и хмурое лицо старого сапёра озарилось тёплой улыбкой.

Перепуткин — друг природы

1.

В край родной,
 во все концы
По весне летят скворцы.
В гости птиц Аркадий ждёт.
Он устал от всех хлопот.
Он ладонью вытер пот
И любитесь трудом:
— Вот так дом!
Чудесный дом!
И удобен и красив
«1-й ПТИЧИЙ ЖИЛМАССИВ».

2.

Мышь, смеясь, спросила мышь:
— Ну чего ты зря дрожишь?
Не до нас котам сейчас:
Им досталось в этот раз!
От Аркадия коты
Мчатся вскачь, задрав хвосты.
Охраняет он жильцов —
И скворцов и их птенцов.
А пока грохочет бой,
Мы утащим сыр с тобой.

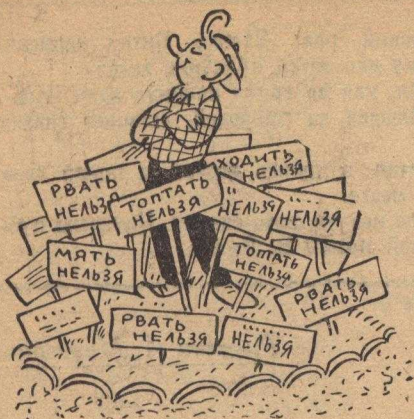

3.

На пришкольный огород
Под землёй пробрался крот.
Он зарылся глубоко,
Докопаться нелегко.
Тут дыра — и там дыра!
Тут нора — и там нора!
Перепуткин сбился с ног,
Роет вдоль и поперёк!
Всё в порядке — пойман крот!..
Вскопан школьный огород.

Рис. К. Бекташева

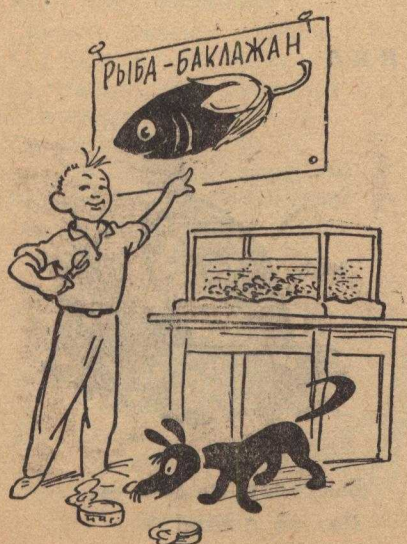
4.

У юнната гордый вид.
— Я трудился! — говорит. —
Посоветуйте, друзья:
Что же тут ещё «нельзя»?
— Всё «нельзя» расставил ты,
А куда сажать цветы?

5.

Перепуткин удручён —
Обучал ворону он,
И ворона без труда
Говорила:
— «Ер-рунда»,
«Др-руг»,
«Др-рова»,
«Др-робина»,
«Др-рель»...
Но когда пришёл
Апр-рель, —
Улетела вдруг в окно,
Вырвав клювом заодно
Пять страниц из «Букваря» —
Подучить до сентября.

6.

План Аркадия таков:
Есть икра — даёшь мальков!
В банке тёплая вода —
Кета будет хоть куда!
Здесь — зернистая икра
Для потомства осетра.
С третьей банкой посложней,
Что-то делать нужно с ней!
Будут, видимо, мелки
Баклажанные мальки!
Компас зря сидит и ждёт:
Нет надежд на бутерброд.

ИЗВЕСТНЫЙ белорусский поэт Василь Витка написал недавно новую поэму для детей «Аистино лето».

В ней рассказывается, как во время каникул один мальчик, герой поэмы, наблюдая за природой, сочинил сказку про птицу.

Сказку эту он спрятал в дупле дерева, а придя туда утром, не нашёл её на месте.

Мальчик пошёл в лес искать свою сказку. Ниже мы публикуем разделы из новой поэмы В. Витки.

Василь Витка

Рисунки А. Мартынова

В ПОИСКАХ СКАЗКИ

Стёжки выбрать мне какие?
Кто тетрадь мою унёс?
Знаю я места глухие,
Где леса и сенокос,
Где болота дышат влагой,
Где глубокие овраги.
Не страшась в пути ни капли,
Погощу у старой цапли,
На речную выйду мель,
Где гуляет журавель,
Загляну в далёкий ров,
Где ночёвка у волков.
Люди скажут мне:
— Молчи!
Полежи-ка на печи,
Чуть побольше подрасти —

Свет успеешь обойти!
Нет, друзья, не говорите,
Что я слаб и мал собою,
Что, наверно, испугаюсь
Волчьего ночного воя.
Не вздыхайте, не тужите,
Словно гости на поминках...
Так с дубовою клюкою
Я пошёл своей тропинкой
А куда пошёл я?
В жито.
Пусть далёк ещё рассвет,
Пусть шагать мне колко.
Кто ж похитил мой секрет?
Знаю, —
Перепёлка!

Перепёлка

Ведь она ещё вчера
От заката до утра
Всё звала: «Полоть иди,
Зря без дела не сиди!»
Возле самого двора
Всё кричала: «Спать пора!»

Сама ж не полола,
Ножек не колола,
Всю-то ночь не спала,
Людям спать не дала.
Я найду её всегда:
Ведь не вьёт она гнезда
Ни на ветках, ни в дупле, —
Роет ямочку в земле,

Выстелет травой —
Вот её покой!

Синица

«Дзинь-дзинь!

Пень-пень!

Добрый день! Добрый
день!»

Кто же тут кружится

низко,

Не щегол, не сойка это?

Вот совсем летает

близко,

Вот на ветку села птица.

Поглядел я на приметы:

Как же мог я ошибиться,

Не узнать своей синицы!

Это ты зимой недавней

Зимовала в хате нашей,

И овёс тебе исправно

Сыпала моя мамаша.

Помнишь, как тебя

любили,

И кормили, и поили?

Быть не может, чтоб за

ласку

Ты мою украла сказку!

«Дзинь-дзинь! Пень-пень!

Добрый день! Добрый

день!»

— Добрый день, моя

синица!

Как же мог я ошибиться?

Кукушка

Вы слышали у опушки,

Как весною на суку

На весь лес кричит

кукушка:

«Ку-ку! Ку-ку!»

Птица мудрая лесная,

У неё я всё узнаю:

Кто же взял в дупле

мой свиток —

Поскорее назови ты!

Мне, парнишке

молодому,

Нет без сказки той

покоя —

Вот уж день, как я из

дому,

Ног не чую под собою,

Я от голода страдаю,

Еле ноги волоку.

А она в ответ: «Не знаю.

Ку-ку!»

Ветки крыльями задела

И в осинник полетела.

Соловей

Там, где ивы сплелись

у водицы,

Где сочится лесная

криница,

Я водицы напился

холодной,

От неё на душе веселей.

Вдруг серебряным

голосом птица

Засвистела легко и

свободно —

Это рядом запел

соловей.

Звонкий соловьишко

Песни петь мастак,

На певце — манишка,

А поверху — фрак.

Верно, что заслуженный,

Хоть на вид

нескладный, —

Голос не застуженный

И поёт бесплатно.

— Твою песню сердцем
чуя,
Соловей, узнать хочу я:
Не тебе ль из дальней
дали
Мою сказку передали?
Соловей сказал в ответ:

«Не слышал я сказки, нет.
Знает вся страна
лесная, —
Сказок я не исполняю.
У меня свои заботы —
Соловьям потребны
ноты!»

Приход домой

Скоро ночь. Заката тень
На траву упала,
Без обеда целый день
Я бреду устало.
А не евши и не пивши
Сочинять попробуй
вирши!

Хорошо ещё синица
Помогла мне воротиться.
Показала среди ночи
Мне тропинку покороче.
А добыча небогата —
Я ни с чем иду до хаты.
Отворяю дверь и прямо
Спотыкаюсь на пороге:
Мне навстречу вышла
мама,

Целый день она
в тревоге:
— Где же ты, родной
сыночек,
Пропадал с утра
до ночи?

Выплакала я все слёзы,
Вытоптала я все лозы,
Истомила свои ноги,

Проглядела все дороги,
Обошла сосняк и ельник,
Спрашивала у осинок.
Где шатался
ты, бездельник, изодрался
весь и вымок?
— Мама, думал я

весною
Описать житьё лесное.
Я сложил о птицах
сказку,
Только вышла неувязка:
Кто-то вытасил

украдкой
Из дупла мою тетрадку.
Я спросил в лесу и

в поле
Всех, кого увидеть мог,
Но куда идти мне боле?
Я и так уж изнемог.
Обошёл я целый свет —
Не попал нигде на след.
— Милый сын, путей-

дорожек
Много есть ещё на свете,
Только кто-нибудь,
быть может,
О твоём узнал секрете?
— Мама, знали

о секрете
Только маленькие дети...
— Видно, дети забрали,
Почитали и порвали.
Да, сказала правду

мать —
Мастера вы книжки рвать.
Я прошу вас по секрету,
Коль найдёте сказку эту,
Всю прочтите по порядку
И верните мне тетрадку!

Перевод с белорусского
Игоря РИНКА

Там за рекою—Аргентина

(Отрывки из книги)

ДВА ПЕСО ЗА МЕТР ЗМЕИ

ДВА дня упорно пробирались мы сквозь девственный лес. К вечеру третьего дня очутились в пампе¹, на краю которой виднелась стена камыша. По высохшей траве бродило несколько тощих, — кожа да кости, — коров. В это время шёл уже четвёртый месяц, как в Чако² не было дождя. Стаи коршунов кружили над местами, где гнили останки животных, которые пали от голода и жажды. Десятки скелетов белели в шуршащей траве.

Наконец перед нами показалось широкое течение Теуко³. Грязная вода мчалась по просторному руслу, местами образуя болотистые островки, и исчезала в изгибе, окаймлённом высокими берегами. Мы стояли на границе двух провинций — Чако и Формосы.

На возвышенном месте выросла лагерная стоянка, которая на несколько дней должна была стать базой охотничьих вылазок в окрестности. Двумя часами позже шесть теней заплесали по зарослям вокруг костра, и по тёмной поверхности Теуко в ночь одна за другой поплыли песни. Вдруг где-то возле берега затрещали сухие ветви. В такие минуты рука бессознательно тянется к оружию, разговор умолкает. Мы все повернулись в одну сторону и прислушались. Может быть, пума или даже ягуар? А может быть, из воды выползал тапир? Через несколько мгновений треск веток раздался снова, в непосредственной близости от нас.

Руки с пальцами на курках, однако, опустились, едва ветки раздвинулись, и в круге света от костра появилась человеческая фигура. Высокий мужчина с морщинистой пергаментной кожей на лице, в пыльном берете на голове, бомбачо¹, спадающих до щиколоток, обтрёпанных полотняных альпаргатах² и не менее ветхой куртке.

Он молча постоял, а затем робко произнёс по-чешски:

— Добрый вечер!

В эту минуту от неожиданности никто из нас слова не мог вымолвить. Лишь некоторое время спустя мы один за другим пришли в себя и потеснились, уступая незнакомому ночному гостю место у костра.

— Я Голубарж. Ярослав Голубарж, — медленно произнёс он, усевшись к огню. Было заметно, что говорить по-чешски ему нелегко.

— Что же вы делаете в этой дикой глуши? — вырвался почти одновременно у двоих или троих из нас один и тот же вопрос. Человек в рваном берете минуту помолчал, потом пододвинулся поближе к огню и сказал:

— Ничего. Ловлю змей, охочусь на диких зверей... Вот... и... всё.

Расспрашивать его дальше было бессмысленно. Из отрывочных слов отшельника мы поняли, что он чех из Вены, переселившийся в Чако тридцать лет назад. В этот вечер мы больше уже не пели. Тягостное настроение и молчаливое раздумье гостя словно бы передалось и нам.

На следующий день мы познакомились с его убогой хижинкой на

¹ Пампа — аргентинская степь.

² Чако — одна из провинций Аргентины.

³ Теуко — один из притоков реки Параны.

¹ Бомбачо (исп.) — широкие и длинные штаны, стянутые у щиколоток.

² Альпаргаты (исп.) — полотняные туфли.

противоположном берегу Теуко, где было развешено несколько сохнувших шкур. Его трухлявая лодка едва была в состоянии перевезти своего владельца с одного берега на другой. Мы не раз наблюдали, как во время переправы он вычерпывал руками воду, которая прорывалась в лодку, и густой грязью замазывал щели. Каждый раз, причаливая к берегу, он оказывался в лодке по колено в воде.

— А что чаще всего вам попадает на охоте? — пытались мы перевести разговор ближе к предмету его ежедневных занятий.

— Это когда как, — медленно подбирал он слова. — Понимаете, я здесь один, как перст, мне редко с кем приходится общаться. Сейчас, зимой, змей нет. Часто в капкан мне попадают лисицы, гораздо реже — тигр. Много хлопот с этими, как это будет по-чешски, никак не вспомню...

— Скажите по-испански, — предложили мы ему.

— Капибара. Иногда его называют карпинчо.

— Тапир — по-чешски «плавоун».

— Возможно. Плавает он очень хорошо, — улыбнулся охотник и добавил, словно извиняясь:

— Я об этом никогда и ни с кем по-чешски не говорил, так что не удивляйтесь. И у нас в Вене такого никогда не видал... Лев мне попа-

дается очень редко. Уж очень далеко на север нужно забраться, чтобы поймать его.

— Здесь его повсюду называют львом, — перебил рассказ охотника Ярослав. — Но в действительности это пума. Даже тигр, — так здесь называют ягуара, — в этих местах нигде не водится.

Из рассказов чаконских охотников мы уже знали об этой южноамериканской странности. Ни африканский лев, ни бенгальский тигр нигде в Южной Америке не водятся, тем не менее оба названия употребляются в обиходе. Испанцы называют пуму «амиго дель кристиано» — друг человека. Инки¹ называют её пумой. Другие индейцы — горным львом. Однако у этого хищника, распространённого по всей Америке — от Канады до Патагонии, на территории, протянувшейся по прямой без малого на 13 000 километров, имеется также ряд других названий. На севере его называют пантерой, а в другом месте — кагуаром. Его загнали далеко в глубь континента, так что поимка хищника считается большой удачей.

— А сколько вам платят за змеиную шкуру?

— Два песо за метр, иногда три. Это равнялось двум нынешним кронам². За весь этот тяжёлый и

¹ Инки — одно из индейских племён.

² Приблизительно 1 р. 50 к.

опасный труд, за необходимость продира́ться сквозь колючий кустарник, где всё время подстерегает какая-нибудь опасность, за многие дни бесцельных поисков в полуденный зной и морозные ночи, за опасность заболеть малярией, быть укушенным змеёй или подвергнуться нападению хищника... две кроны!

Костёр уютно потрескивал, время от времени обгоревшая ветвь падала в золу и выбрасывала сноп искр в темноту, словно хотела отвлечь нас от бродивших в голове мучительных мыслей.

— Вы получаете какие-нибудь известия о том, что делается в мире?

— Почти нет. Из Формосы сюда приезжает верхом посыльный с почты. В понедельник он приезжает и на следующий день отправляется обратно. Да от кого мне и чего ждать? Вот уже много лет, как я никому не писал...

Костёр понемногу догорал, лишь несколько головешек ещё тлело в золе. Мы сидели молча вокруг угасшего огня. Перестала ходить по кругу и выдолбленная тыква с матё¹, молчала и пампа. В мыслях мы были где-то далеко от берегов Теуко, воды которого мчались мимо нас.

Глубоко за полночь гость поднялся. По нему было видно, что эти несколько часов он провёл где-то далеко от Чако. Он попрощался тихим, почти жалобным голосом и затем исчез так же таинственно.

СЮРПРИЗ В «РАДИО НАСЬОНАЛЬ»

Мы сидели, дожидаясь своей очереди, в студии радиостанции Монтевидео «Радио Насьональ», которая пригласила нас рассказать о нашем путешествии.

— Приготовьтесь, кабальерос, — обратился к нам радиотехник, — как только Мартинес закончит свою милонгу², пойдём мы.

— Скажите, а нельзя ли где-нибудь найти эту милонгу в грамзаписи?

— Похожую — возможно, но слова будут совершенно другие.

— Нам бы хотелось достать хотя бы нотную запись.

— А вот это уж вообще невозможно. Эти молодцы не имеют о нотах никакого понятия. Эти гаучо¹ откуда-нибудь с востока, из Мерседес. И в Монтевидео они приехали только на карнавал. Мы воспользовались этим и каждый вечер на полчаса приглашаем их к микрофону. Но за эти три недели они ещё ни разу не повторили одного и того же текста. Они просто импровизируют, как у себя дома, перед ранчо...

— Но как же...

— Прошу прощения, амигос, но я должен объявить о вас радиослушателям, и пятнадцать минут мы будем говорить только об Африке. А после опять сможем вернуться к нашему Мартинесу.

В это время из студии вышел нарядно одетый гаучо, простой, симпатичный детина, широкоплечий, с бронзовым лицом и весёлыми глазами, в синих бомбачо, с напуском заправленных в мягкие, собранные складками сапоги, подпоясанный ремешком с чеканными украшениями, в белой ниспадающей рубашке со сборчатыми рукавами и с неизменной гитарой под мышкой. За ним вышло шестеро остальных.

Красный огонёк, вступительное слово и четверть часа душевной беседы перед микрофоном.

Мы и не подозревали, что Мартинес со своими друзьями внимательно слушает нас в соседней комнате. Как только мы, закончив беседу, покинули студию, навстречу нам поднялись гитаристы, и Мартинес скромно предложил спеть нам на прощание.

Шесть гитар запели вступительные аккорды милонги. Мартинес с минуту молча поглаживал струны своего инструмента, как бы размышляя о чём-то. И вот голос его

¹ Южноамериканский горячий напиток.

² Импровизированная народная песня под аккомпанемент гитары.

¹ Гаучо (исп.) — скотовод.

слился с переборами гитар в свободном ритмичном речитативе, который постепенно переходил в ясную мелодию милонги.

Ласковыми испанскими стихами приветствовал он «дос арманос» — двух братьев из далёкой Чехословакии. Он пел о дальних странах и дальних дорогах, о морях и пустынях, о лесах и африканских народах, о чёрных шахтёрах и сверкающей ледяной короне Килиманджаро¹. Он пел о любви к чешскому и словацкому народу, о знамени социализма и о борьбе за подлинную

свободу и братство между народами...

Замолк звучный голос Мартинеса. Отзвучала милонга, и затихли последние аккорды гитар. В комнате надолго воцарилась тишина, пока мы не оказались в состоянии заговорить и поблагодарить.

Да, эта милонга в Уругвае не появилась ни в печати, ни на грампластинках. Она вырвалась из сердца простого народного таланта, из сердца уругвайского гаучо. Она вырвалась в горячих стихах восхищения, любви и дружбы к далёкому народу.

¹ Величайшая гора в Африке.

Перевод с чешского
С. БАБИНА и Р. НАЗАРОВА

ПИОНЕРСКАЯ ДОРОЖНАЯ

Музыка А. МИРЕЦКОГО

Слова П. КОБРАКОВА

Неторопливо.

Всё

1. ДАЛЕКО ДОРОГА

ДЛЯ повторения
одним голосом

ВБЁТСЯ ПЕСНЯ ВДАЛЬ ЗО ВЁТ ЭХОМ РОЩА ОТЗО ВБЁТСЯ И О ПЯТЬ ЗА МРЁТ. Хо-ро-

Всё:

ШИ В РОДНОМ КРАЮ О - ЗЁРА И ЛЕ - СА. ВЫСО - КО, ВЫСОКО ГОЛУ - БЕ, ЮТ НЕ - БЕ -

2. В СТОРО // ЁТ, КТО НЕ ЗА - ПО -

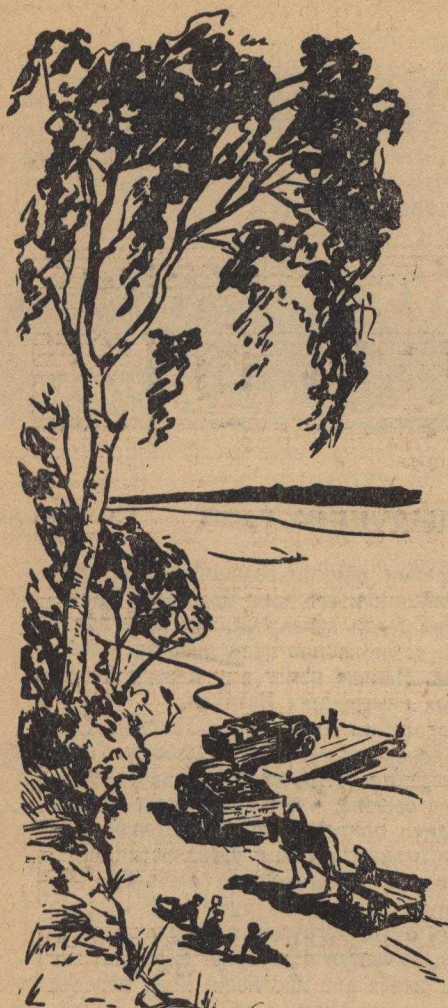
СА.

ЁТ!

dim

pp

(Слова песни — на 47 странице).

у перевоза

Реки многовёрстная линия
Сверкает от плёса до плёса.
Построилась очередь длинная
Колхозных машин к перевозу.
Трёхтонки, полуторки, газики
Везут в городок районный
Мёд, пахнущий клевером,

с пасеки,
В молочных подтёках бидоны.
Везут, словно иней хрустящие,
Шары северянки капусты,
Мешки с огурцами, и ящики,
И лук, зеленеющий густо.
Лениво дымя папиросами,
Проверив мотор и рессоры,
Легат на траве под берёзами,
Паром ожидая, шофёры.
А к берегу, рядом с машинами,
Спускается лошадь неловко.
Колёса с железными шинами
Обкручены крепкой верёвкой.
И шутку бросают водители,
Что тормоза лучше и нету,
Как будто впервые увидели
Телегу и лошадь вот эту.
И, как ни разглядывал пристально,
Одну лишь в стальной веренице
Заметил я лошадь, что к пристани
Идёт и машин не боится.
И вспомнил, как бегал мальчишкою
Я в тучах клубящейся пыли
Здесь, рядом с пожарной вышкой,
За первым автомобилем.

Н. КУТОВ

1. Далеко дорога вьётся,
Песня вдаль зовёт.
Эхом роща отзовется
И опять замрёт.
- Хороши в родном краю озёра и леса.
Высоко-высоко голубеют небеса.
2. В стороне дубок зелёный
Поклонился нам.
Очень рад он, очень рад он
Молодым друзьям!
- Мы ему в ответ руками машем —
 подрастай,
Ты родную, родную сторонку украшай.
3. Будем мы за всё в ответе, —
Смелый путь открыт.
Кто-нибудь из нас в ракете
К Марсу полетит.

Будем строить мы в тайге
большие города.

**Будем верными нашей Отчизне
мы всегда!**

4. Солнце яркое сияет,
Щурятся глаза,
И, прощаясь, убегают
Нивы и леса.

Так лети ты, песенка,
в простор полей лети!
Хорошо, хорошо на рассвете
нам в пути.

5. Далеко дорога вьётся
И вперёд зовёт.
Вместе с нами, вместе с нами
Кто не запоёт! (2 раза).

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

(Главы из повести)

Содержание предыдущих глав

Партизанам, которые боролись с фашистами, оккупировавшими Брестскую область, помогали два мальчика — Коля Гайшик и его друг Володя. Вначале они собирали брошенное оружие, а затем были связными. Им помогала и девочка Еленка, брат которой, Петрусь, по заданию партизан работал в Ивацевичах, стараясь завоевать доверие немцев. Немало помог ему в этом предатель Козич. Он и не подозревал об истинных намерениях Петруся.

После удачной операции в районе узкоколейки Ивацевичи—Телеханы, где были разгромлены два немецких эшелона и сожжены лесо- и маслозаводы, партизанам нужно было передать срочные указания Петрусь. Их руководитель, Мартын, опять прибег к помощи Коли. Было решено, что Коля повезёт Козичу от его жены для продажи яблоки, а от Козича привезёт соль, в которой в то время население очень нуждалось. Тарасиха, жена Козича, с удовольствием согласилась, когда Коля предложил ей свои услуги, и даже дала лошадь.

Коля благополучно прибыл в Ивацевичи, передал Петрусь, что «дороги открыты». Козич направил Колю в обратный путь, погрузив в телегу несколько мешков с солью. На обратном пути Коля завернул в деревню Яблонки, где жила Еленка, и спрятал у неё два мешка с солью для партизан. Коля передал Еленке также поручение Петруся, что нужно немедленно уходить к партизанам.

Петрусь уговорил Козича сделать подарок Вайнеру из привезённых яблок. Козич согласился, но идти к Вайнеру боялся и попросил Петруся отнести подарок. На следующий день Петрусь с корзиной яблок предстал перед Вайнером. Особоуполномоченный по борьбе с партизанами уже слышал от Козича о Петрусе, но видел его впервые. Петрусь обратился к Вайнеру с просьбой продать ему лесозавод, вернее то, что там уцелело от разгрома, пообещав за это «помочь» ликвидировать партизан. Вайнер обещал подумать.

Болотный марш

КОЛЯ подробно рассказал отцу о своей поездке в Ивацевичи, о мешках с солью, оставленных у Борисевичей, о том, что Еленке и её матери надо уходить в лес.

Продолжение. Начало в №№ 2-3—12 за 1957 г. и №№ 1—3 за 1958 г.

Василий Демьянович ничего не ответил сыну и ни о чём не спросил, только ласково потрепал его волосы.

Коля заметил: последние дни отец стал молчаливее, часто задумывался о чём-то своём и нет-нет набегит на глаза печальная тень, и будто погаснут они, потемнеют.

Иногда он шептался с матерью в саду. А когда кто-нибудь из ребят

приходил, оба умолкали. Видно, скрывали что-то от них. Что?

Когда стемнело, Василий Демьянович надел картуз и ушёл. Вернулся часа через три. Коля уже лежал под одеялом, слышал, как звякал отец ковшиком — пил воду, потом побродил зачем-то в потёмках по избе. Скрипнула кровать — сел. Стукнули об пол сапоги. Снова скрипнула кровать.

Коля не окликнул отца. Он догадывался, зачем уходил отец — сообщить партизанам насчёт соли и Борисевичей.

Лагерь далеко, но к утру там все будут знать. Через весь район потянулись невидимые нити партизанской связи. Отец — один из узелков. Это Коля понимал.

А недавно дошёл слух, что в районе появились люди из самой Москвы. Никто не знает, что это за люди, где прячутся, но невидимая ниточка протянулась же в столицу.

Коля зримо представил себе все эти нити. Они будто гигантская паутина, и в ней бьются обрёкшие себя на погибель мухи — немцы.

Потом он подумал о том, что завтра к вечеру Еленка уйдёт в лес. Когда-то теперь они свидятся! Да и свидятся ли? По району мечутся каратели, вешают, расстреливают, жгут... Придёт черёд и Гайшикам уходить в лес. А ведь лес велик. Тысячи тропок избороздили его. Можно пройти в десяти шагах друг от друга — и не свидеться. Коля вздохнул, повернулся на другой бок и съёжился калачиком.

...Утром отец ничего не сказал. А Коля не спрашивал. Ушёл с матерью и Ниной на огород копать картофель. Машинально выворачивал гроздь крупный тонкокожих клубней, отряхивал их от земли, бросал в проржавевшее мягое ведро, а думал об Еленке, о том, придёт ли подвода?

И днём не задавал этого вопроса отцу. К чему? Отец передал всё кому надо. От него уже ничего не зависит.

Когда солнце наколосось на вершины сосен, отец снова надел картуз.

— Пошли, что ли?

Коля понял — куда.

Они вышли вдвоём за калитку и зашагали в Яблонку.

Еленка обрадовалась их приходу. Мать её, молчаливая, маленькая хрупкая женщина, с такими же, как у дочери, большими, удивлёнными серыми глазами, пригласила их к столу — чаёвничать.

В избе не было заметно никаких следов предстоящего ухода. Всё на своих местах, пол тщательно выскоблен, стёкла промыты, будто хозяйки ждали гостей, а не собирались в далёкий путь — невесть куда, невесть насколько. Только в углу между печью и дверью лежали три больших узла и на них два полушубка.

Пока пили чай, Еленка вышла из избы, закрыла ставни, вернулась. Разговор не клеился. Все четверо напряжённо прислушивались к каждому доносившемуся звуку. Когда ждать, сидя в избе, стало совсем невозможным, Коля и Еленка, не сговариваясь, одновременно встали из-за стола и шагнули к дверям.

Они вышли на улицу и остановились у плетня.

В бездонном небе мерцали звёзды. Иногда одна из них срывалась и стремительно падала за горизонт, очертив небо. Будто в темноте чиркнули на ветру. Было прохладно и тихо, только невидимые кузнечики звенели в траве.

Долго ребята стояли молча. Коля слышал Еленкино дыхание. Ему было очень хорошо и спокойно оттого, что она вот так стоит рядом у плетня. И для неё с неба падают звёзды и кузнечики стрекочут для неё.

— Может, не придут? — вдруг тихо спросила Еленка.

У Коли пересохло горло. Он кашлянул. Ответил хрипло:

— Должны бы... Батя сообщил...

И снова они стояли молча, вглядываясь в ночь. Но ощущение покоя исчезло. Коля уже не видел падающих звёзд, не слышал кузнечиков. Ещё час-полтора и Еленка уйдёт в лес. Если не будет подводы, ей придётся тащить узлы на себе или бросить их.

Оба сразу услышали стук копыт, дружно повернули головы в ту сторону, откуда он доносился.

— Едут, — шепнул Коля.

— А может, не они?

Из темноты появилась лошадь, запряжённая в телегу. На телеге сидел, свесив ноги, незнакомый парень. Поравнявшись с Колей и Еленкой, он остановил лошадь, прыгнул с телеги и пошатнулся, озираясь. Ребята разглядели молодое лицо с отупевшими мутноватыми глазами.

Парень икнул.

— И к-уда ж это я з-заехал, голубки? — спросил он.

Ребята промолчали.

— Вот такхватишь лишний стакан и едешь... не знамо куда. — Парень снова огляделся. — Это какое село?

— Яблонка, — сказал Коля.

— Яблонка? — переспросил парень. — А хата чья?

— А вам чью надо?

— А мне всё равно, — сказал парень. — Мне бы переночевать... А то я в болота... К лешему заеду...

— Приказано на ночь никого не пускать, — сказала Еленка. — За это — расстрел на месте.

— А если я к приятелю зайду? А? У меня тут приятель гармонист. Петрусем звать. Не его ль хата?

— Ну, его, — насторожилась Еленка.

— А вы его сестрица?

Еленка кивнула.

Парень, ни слова не говоря, пошатываясь, пошёл в избу. Еленка и Коля переглянулись и направились за ним.

— Здравствуйте, — сказал парень входя. — За солью приехал.

Еленка и Коля глядели на парня с изумлением: он был трезв, только в глазах мелькали весёлые озорные искорки.

— Собирайтесь быстрее, — сказал парень. — Я и так запоздал. Места-то незнакомые. Тут и заплутать недолго.

— Что слышно? — с тревогой спросил Василий Демьянович.

Видно, парень понял, о чём он спрашивает. Лицо его вдруг помрачнело.

— Прёт, гад...

Мешки с солью и узлы положили на телегу, прикрыли сверху полушубками.

Мать и Еленка молча попрощались с Василием Демьяновичем.

— Спасибо вам.

Еленка подошла к Коле. Протянула руку.

— До свиданья, Коля.

Он крепко сжал её маленькую тёплую ладонь, на мгновение удержал в своей, отпустил. Потом вдруг почувствовал её руки на своих плечах, волосы щеkotно коснулись лица, от них пахнуло солнцем.

Еленка поцеловала его в щёку.

— До свиданья...

И, отпрянув, ловко забралась на телегу.

— Между прочим, — тихо сказал парень, будто продолжая старый разговор, — он и на Москву пёр, да осекся. — Он хлестнул лошадь. Телега скрипнула и вскоре исчезла в ночи. Только слышалось цоканье копыт, потом и оно замерло.

Василий Демьянович и Коля направились домой.

Коля чувствовал, как горят его щёки, будто всё ещё касаются их Еленкины волосы. Но мир казался ему опустевшим.

ПОСЛЕДНЕЕ время Вайнер находился в отличном расположении духа. Армия фюрера вышла к Волге. Не сегодня-завтра падёт Сталинград. Войска двинутся на север,

перережут коммуникации русских, сожмут Москву в кольцо и — конец. Россия задохнётся в петле.

Даже местные неприятности не могли омрачить настроения.

Приход Борисевича показался Вайнеру, в свете последних событий на фронте, добрым предзнаменованием. Что ж, это закономерно: предприимчивые люди, чуя прочную основу во власти фюрера, ищут с ней сотрудничества. Готовы помогать ей и работать на неё. Борисевич не так глуп. У него верное чутьё. Можно будет продать ему этот сгоревший лесозавод. Или даже подарить за услугу немецкому командованию. Пусть вкладывает капитал, разворачивает производство. Германии нужен лес, много леса.

И всё-таки лишняя проверка не мешает. Он и раньше имел в виду использовать Борисевича в качестве проводника. Налёт на Святую Волю несколько смешал карты. Сейчас партизаны думают, что немецкое командование растеряно. Что ж, тоже подходящий момент для нанесения решающего удара в самое сердце, по лесной базе партизан.

Вайнер вызвал Козича.

Козич пришёл, внутренне, как и всегда, содрогаясь от неодолимого страха. Но Вайнер принял его приветливо, даже ласково.

— Вы и не представляете, дорогой Козич, сколько приятных минут доставили вы мне своим подарком. В вашем саду чудесные яблоки! — Вайнер улыбался.

Красивое лицо его, с тщательно выбритыми розовыми щеками и так же

тщательно подстриженными усиками казалось Козичу лицом бога. И он только бормотал, ошавев от радости:

— Всегда готов... Чем могу... Всегда, пожалуйста...

— И этот ваш гармонист, господин Борисевич, показался мне человеком приличным и лояльным.

Козич быстро закивал и так стал похож на упрямого козла, что Вайнер с трудом подавил смех.

— Вы ведь давно его знаете?

— Да-а... Ещё при панстве Польском...

— Вот видите, — одобрительно сказал Вайнер. — Мне бы хотелось сделать для молодого человека что-нибудь. Мы ценим таких людей, как вы и он!

Козич растрогался, смотрел восторженно на Вайнера, так мучительно приятен был переход от гнетущего страха к состоянию радостного покоя, вдруг охватившего его. «Не застрелит, не накричит...»

— Может, у господина Борисевича есть какие-нибудь планы на будущее, мечты?

— Есть, есть... — закивал Козич.

— Какие же?

— Ба-альшие, господин начальник. Размах! Мечтает своё дело завести. Лесозаводик собственный.

Вайнер удивлённо поднял брови:

— Вот как? Весьма похвально... Что ж, может быть, я со временем буду ему полезен... У нас отлично идут дела на фронте. Мы — на Волге.

Поговорив ещё немного о победах немецкого оружия, Вайнер отпустил Козича и задумался. Борисевич действительно мечтает о собственном лесозаводе! Чудесно! Значит, он поможет накрыть партизан в лесу!

А Козич спешил домой, подгоняемый нежданной радостью. Ай, молодец Петрусь! Догадался насчёт презенту. Угодили мы начальству!

Дома он сказал Петрусью:

— Поздравляю. Уговорил я господина Вайнера. Вскоре будет тебе заводик. Сперва он артачился, но я ему так, мол, и так, дела наши на фронте хорошие... В общем, уговорил я его.

Петрусь усмехнулся:

— Ну что ж, Тарас Иванович, придёт день, уж я тебя не забуду, отблагодарю!

— Не забывай, Петрусь, не забывай своего дружка, благодетеля! Я за тебя словечко замолвил и ты за меня замолвь. Может, войтом меня назначат? А? Немцы-то на Волге!

— Назначат тебя, Тарас Иванович, войтом, назначат.

Петрусь отвернулся и долго смотрел в окно. И счастье Козича, что он не видел его лица.

СВОДКИ, передаваемые ставкой, были полны оптимизма. Они бодрили, поддерживали, вселяли уверенность. Вайнер забыл о недавних «неприятностях под Москвой». Всегда легко забываешь то, о чём хочется забыть.

С каждой сводкой всё ближе казался конец «затянувшейся» войны, всё более случайными налёты партизан. И оттого, что так блестяще складывались бои на Волге, казалось, что здесь просто покончить с партизанами одним решительным ударом.

Вайнер собрал у себя офицеров и сказал краткую речь. Она была энергична, полна уверенности и здорового оптимизма, как сводки из Берлина.

А через неделю глухой безлунной ночью, внезапно, в полном молчании, не закуривая сигарет и не бряцая оружием, чтобы не выдать себя партизанским разведчикам, из Ивацевичей в разных направлениях вышли небольшие отряды.

Но Вайнер не хотел распылять свои силы. Точно в назначенное время мелкие отряды собрались на окраине леса в один могучий кулак. Солдат было около шести тысяч, но оттого, что они молчали, Петрусю казалось, что их гораздо больше. Он нервно покусывал нижнюю губу. Рядом с ним, словно оберегая его от каких-либо случайностей, стояли три здоровенных автоматчика.

Петрусь понимал, что Вайнер не доверяет ему до конца, но теперь это уже не имело никакого значения.

Подожёл Вайнер.

— Пора... — сказал он тихо. — И помните, господин Борисевич, каждый

шаг вперёд приближает вас к желанной цели или к смерти.

— Благодарю вас, господин Вайнер, — так же тихо ответил Петрусь. — Я готов.

Он кивнул автоматчикам и двинулся в глубь леса. Позади кто-то вполголоса дал команду.

Петрусь шёл, то и дело отстраняя от себя ветки, с наслаждением вдыхая влажный запах леса. Тихо чертыхались автоматчики.

Петрусь шёл, вслушиваясь в тяжёлые шаги солдат, и мысленно видел всю их колонну. Вот она ядовитой змеей втягивается в дремлющий лес и ползёт, чтобы смертельно ужалить этот лес в самое сердце... Ползёт меж оранжевых сосен, меж белых берёз, подминая нежный лесок. И, может, ему не суждено подняться после двенадцати тысяч сапог. Но по-прежнему будут взмахивать ветвями эти берёзы и сосны, бросать на влажную землю семена жизни, и над изломанным подлеском зазеленеют новые побеги, ещё более буйные, более прекрасные, не знающие смертельной тяжести кованых солдатских сапог. Жизнь вечна!

Прямо — сухая дорога, налево — болота. Петрусь решительно свернул налево. Всё влажнее под ногами земля, вот уже мягко пружинит мхом, хлопает под ногами. То ли ещё впереди!

За спиной тяжело дышат автоматчики.

Вот уже вода по колено, холодные струйки её текут за голенища сапог.

Петрусю с детства знакомы эти места. И, несмотря на темноту, он ясно представляет себе болото: зыбкое, кочки покрыты светлым мхом. И между ними тяжёлую тёмно-коричневую воду. Здесь надолго завазнут лёгкие пушки фашистов, и жадная гнилая вода поглотит не один зарядный ящик!

За спиной тяжело дышат автоматчики, хлюпает вода. Кто-то упал, выругался.

Вязнут ноги, изматывает болото, всё тяжелее набухшие сапоги. Устал Петрусь. Медленно ползёт за ним, лениво извиваясь, по брюху в воде ядовитая змея.

Скоро рассвет.

ПОЗАДИ скомандовали:

— Хальт!

Один из автоматчиков толкнул Петрусю в спину. Он остановился. Остановились идущие следом. Всё дальше и дальше замирал хлюпающий звук. Подтягиваясь к голове, останавливалось тело змеи. Потом снова забулькала вода. Кто-то приближался к Петрусю. Они шли тяжело дыша и, видимо, с трудом вытягивали из трясины вязнущие ноги.

Петрусь узнал грузную тушу коменданта Штумма и Вайнера.

«Да-а, коменданту не сладко», — с удовольствием подумал он.

Вайнер подошёл:

— Ты где нас ведёшь, собака? — в голосе его не было и следа приветливости.

Штумм замахнулся огромным кулачком, но Петрусь увернулся.

— Осторожно, герр комендант. Так недолго и плюхнуться, — он не скрывал улыбки.

— Отвечай, когда тебя спрашивают! — крикнул Вайнер.

— Я веду вас самым кратчайшим путём, — сказал Петрусь. — К рассвету мы бы окружили лагерь, если бы не ваши солдаты.

— Что такое?

— Я не виноват, что они ползут, как черепахи, и мне то и дело приходится идти медленнее. Похоже, что мы не дойдём до света.

Вайнер помолчал.

— Неужели нет пути посуше?

— Когда партизаны уходили в лес, они не позаботились о сухой дорожке для нашего отряда.

В ответе Вайнеру слышалась насмешка, но он промолчал.

— Форверт! — скомандовал он и молча побрёл рядом с Петрусем.

Штумм, нутужно хрипя, будто его схватили за горло, с трудом по-

спевал за ними.

Вскоре небо начало бледнеть, на нём всё чётче и чётче вырисовывались тёмные стволы одиноких деревьев.

— Сколько до лагеря? — спросил Вайнер.

— Километров семь.

— Болотом?

— Почти.

— Имейте в виду, если вы морочите мне голову, я повешу вас на первом крепком суку.

Петрусь пожал плечами:

— Я в этом не сомневаюсь.

Небо стало золотистым. Звёзды погасли. Стволы берёз высветились. А отряд, все ещё хлюпая, тащился по болоту.

— Они могут обнаружить нас, — сказал Вайнер.

Петрусь кивнул.

— Могут. Если обнаружат, — некуда будет укрыться.

— Нападут?

— Вряд ли. Их мало, и они плохо вооружены. Уйдут! — убеждённо сказал Петрусь.

Ещё несколько минут шли молча. Потом Вайнер поднял руку. Голова колонны остановилась.

Солнце начало золотить верхушки деревьев. Солдаты стояли тяжело дыша. Они были мокры и грязны. На каски налипли жёлтые осенние листья.

— Придётся рассредоточиться и ждать, — вздохнув, сказал Вайнер. Он жалел, что сам взялся проводить эту операцию. Куда приятнее лежать в тёплой сухой постели!

Петрусь будто угадал его мысли:

— Пройдём ещё немного, господин Вайнер. Я вас выведу на сухое место. Есть здесь такой островок. Вы можете простудиться!

— Форвертс! — скомандовал Вайнер.

В душе он очень обрадовался предложению Петруся. Сейчас хотелось только суши и солнца.

Петрусь не обманул. Через двадцать минут он подвёл голову колонны к островку, на котором, будто чудо, росло несколько могучих дубов. Их ветви, простёртые над землёй, трепетали под утренним ветерком, будто пологи сказочного шатра.

Вайнер вышел на островок, с облегчением сел на сухую землю, прислонясь к стволу дуба, и начал выжимать намокшую одежду. Рядом, крикнув, уселся Штумм. Вайнер отдал распоряжение офицерам.

Змея расплзлась. Часть солдат разместились на островке, остальные разбрелись вокруг, подыскивая места посуше. Устроившись кое-как, принялись за консервы. Вокруг были выставлены посты.

Предстояло ждать наступления темноты, ничем не обнаруживая своего присутствия.

Томительно тянулся этот день для солдат. Не радовало даже солнце,

особенно тех, что сидели на мокрых кочках, как угрюмые болотные птицы.

Офицеры обсохли и приободрились. Петрусь отлично выспался.

С наступлением темноты солдаты поднялись и, стуча зубами от холода, двинулись дальше.

Вскоре болото кончилось. Потом передовые уловили запах дыма. Видимо, ничего не подозревавшие партизаны жгли костры.

Вайнер дал знак, и по заранее разработанному плану колонна разделась надвое и начала окружение безмятежно спавшего лагеря.

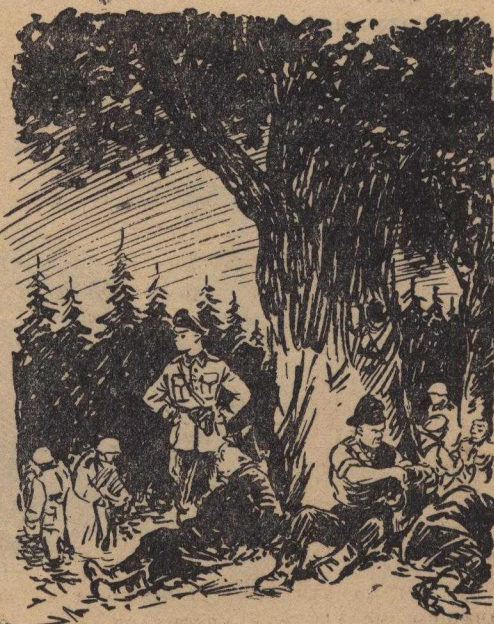
Вайнер, Штумм, Петрусь и полурота автоматчиков, вытянувшихся в двойную цепь, остались на месте. Вайнер то и дело поглядывал на часы. Наконец, когда по его расчётам окружение должно было быть завершено, он сказал:

— Ну, Штумм, я начинаю.

Петрусь вмешался:

— Может быть, подождать до свету?

— И дать им возможность подготовиться? — Вайнер усмехнулся. — Стремительность и внезапность — вот мой девиз. — Он приказал что-то по-немецки, и тотчас в небо взлетела голубоватая ракета.

Она повисла над лесом, как неведомая холодная звезда, затмила на мгновение все другие звёзды, заливая землю зловещим мерцающим светом. И тотчас справа и слева ударили очереди автоматов.

КОГДА стрельба стихла, Вайнер сказал:

— Кончено! — и стремительно бросился, пробираясь через колючий кустарник, в сторону лагеря. За ним, будто слон, устремился Штумм.

Бледнело небо. Рождалось новое утро. В его робком свете Вайнер увидел двоих солдат. Они несли на руках третьего, который хрипел, бессильно свесив голову в тяжёлой каске.

«Этот уже не увидит солнца», — подумал Вайнер и, не замедляя шагов, крикнул:

— Молодцы! Славно дрались! Как и подобает солдатам фюрера!

Солдаты ничего не ответили.

В партизанском лагере Вайнер столкнулся с группой офицеров. У них были растерянные лица.

— Большие потери? — спросил Вайнер у капитана.

Тот опустил глаза.

— Нет, не очень. Несколько десятков.

— Есть пленные?

— Нет.

Капитан не смел поднять глаз.

— В чём дело, капитан? — строго спросил Вайнер.

— Их не было...

— Не понимаю.

— Их не было... — повторил капитан. — Землянки были пусты.

«Землянки были пусты», — повторил про себя Вайнер. И вдруг побледнел:

— Пусты?..

Офицеры молчали.

— Проводника сюда... — процедил Вайнер сквозь зубы.

Автоматчики бросились выполнять приказание.

Офицеры стояли и ждали, не глядя друг на друга. Вайнер смотрел куда-то в одну точку сузившимися глазами.

Автоматчики вернулись ни с чем. Петрусь исчез.

(Окончание следует).

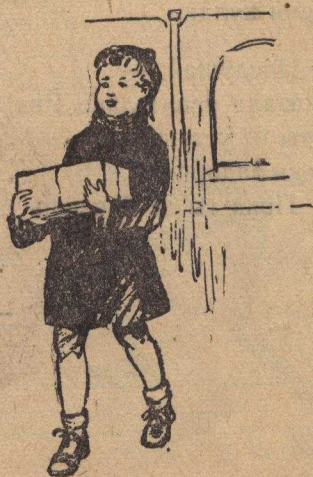
ЗАДИРА

Рассказ начинаю
О Волковой Ире,
О Волковой Ире,
Ужасной задире.
Смотри,
На зубок попадётся к такой,
Прощай,
Безмятежный уют и покой!

На днях получила
Посылочку Мила.
Открыла и видит:
Мочалка и мыло.
Записка от Иры.
В ней — добрый совет:
«Умойся, грязнуля!
Поклон и привет!»

На тройки учиться
Привычно для Вовки,
Да Ира
Его подкусила в стенновке:
«Эх, троечка-тройка,
Не быстро везёт!..
Пора бы тебе
Пересесть в самолёт!»

Бессовестно врать,
Уж я не устану
Тебя задирать!

— Здорово! —
Серёжа сказал ей сурово.
Первейший невежа
Сказал ей «здорово!»
Вот стали какие
Твориться дела!
Вот Ира
Его до чего довела!

Кончаю рассказ мой
О Волковой Ире,
О Волковой Ире,
Ужасной задире.

А как управдом наш
Ирины боится!
Вогнать его в краску
Она мастерица:
— Ах, что мне приснилось,
Товарищ Хвостов!
Что дом наш к зиме,
Вы представьте, — готов!

Внушала она
Одному забияке,
Что дело весьма неприятное —
Драки.
Но он не хотел
Соглашаться никак,
Зато убедил его...
Ирин кулак.

— Послушай, —
Сказала язвительно Рая, —
А ты не устанешь,
Меня задирая?!
— Пока ты не бросишь

Побольше таких
Беспокойных задир, —
Прекраснее станет
Наш солнечный мир!

Первый русский чемпион мира

В ДЕКАБРЕ 1888 года в город Амстердам на международные соревнования конькобежцев съезжались спортсмены.

Героем дня был Джо Доногю — сильнейший конькобежец Америки. На соревнованиях этот высокий поджарый американец обычно прямо со старта стремительно вырывался вперёд и предлагал такой высокий темп, который остальным участникам соревнований был не под силу. Многочисленные победы вскружили Доногю голову, и он ещё до соревнований уже считал себя чемпионом мира.

Но вышло иначе. В тот год амстердамские газеты писали, что «появился ещё один конкурент непобедимому Доногю». Этим конкурентом был русский конькобежец Александр Паншин. Конькобежным спортом он занимался всего третий год, хотя и был старше Доногю.

Уже в первом забеге — на полмили — Паншин показал лучшее время.

На следующий день, в забеге на одну милю, спортивный жребий свёл Паншина и Доногю в одной, последней паре. Ни тот, ни другой не хотели уступать первенства. Три четверти дистанции они прошли бок о бок. Но на последнем этапе Паншин без особых усилий вырвался вперёд. Победа осталась за петербургским скороходом Александром Паншиным — первым русским чемпионом мира.

Гроза футбольных ворот

В ЭТОМ году в связи с шестидесятилетием отечественного футбола Центральный спортивный клуб Министерства Обороны СССР учредил переходящий приз имени выдающегося советского футболиста, замечательного спортсмена Григория Ивановича Федотова.

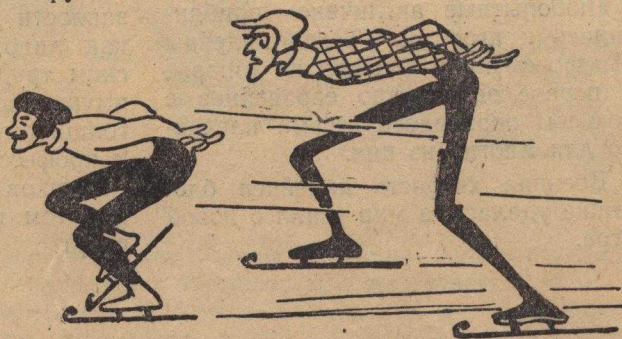
Нападающий команды ЦДКА Григорий Федотов славился как мастер атаки ворот, как гроза враг-тарей. Приз его имени будет ежегодно вручаться той команде, которая в состязаниях на первенство Советского Союза забьёт наибольшее число мячей в ворота соперников.

Какая же команда славится своими нападающими?

Перед войной сильнейшей линией нападения отличалось московское «Динамо». Больше всего голов — семьдесят четыре — оно забило в первенстве 1940 года. Но рекорд тех лет принадлежал всё же киевскому «Динамо»: в 1938 году игроки этой команды забили в ворота соперников 76 мячей.

В послевоенные годы этот рекорд был побит снова динамовцами столицы. В 1948 году они провели 85 голов! А на следующий год их соперники начинали игру с центра поля ровно 104 раза!

Этот рекорд остаётся пока непревзойдённым.

«Важнейший фактор футбола»

ФИЛИППИНСКИЙ футболист Миттен славится не только хорошей игрой, но и необычайной чистоплотностью. Перед каждой игрой он чистит бутсы, тщательно стирает свою спортивную форму, а заодно и шнурки от бутс.

Однажды во время игры он обвёл защитника и, оставшись один на один с вратарём, сильно пробил по воротам. Зрители видели, как вратарь в акробатическом прыжке что-то поймал. Однако радость одних и разочарование других «болельщиков» были преждевременными. Оказалось, что вратарь поймал бутсу нападающего, у которой от частой стирки лопнул шнурок, а мяч спокойно вошёл в ворота.

Потом уже многие «болельщики» шутили, что чистоплотность — это «важнейший фактор футбола».

Хоккей и военная хитрость

ПЕРВЫМИ европейцами, увидевшими хоккей на льду, были английские солдаты из форта Маккиней, расположенного на территории современной Канады. Однажды, в 1763 году, солдаты из форта увидели неизвестную до того времени игру: за пределами форта, на ледяном поле их противники — индейцы затеяли что-то невиданное и интересное.

Любопытные англичане приблизились к игрокам. Тогда индейцы быстро сменили клюшки на топоры, и первое знакомство европейцев с хоккеем окончилось весьма плачевно для многих из них.

Военная хитрость индейцев блестяще удалась, а мир узнал о новой игре.

Судьба чемпиона

В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ России лыжный спорт был достоянием только обеспеченных людей. Если появлялся способный лыжник из рабочих, спортивные клубы встречали его в штyki. Такая судьба постигла и первого чемпиона России — Павла Афанасьевича Бычкова.

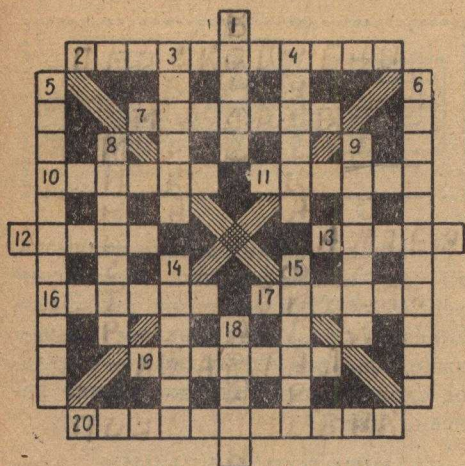
Он работал дворником на окраине Москвы — в Сокольниках. Хозяин дал ему однажды лыжи ради шутки. Каково же было удивление домовладельца, когда он узнал, что его дворник обогнал на соревнованиях всех московских лыжников!

В 1910 году Сокольническое общество любителей лыжного спорта допустило Бычкова к соревнованиям на первенство России, и он вышел победителем, став чемпионом страны.

Дворник — чемпион России! Против Бычкова объявили поход. Журнал «Всемирный спорт и здоровье» поднял на своих страницах вопрос: может ли дворник быть чемпионом? Некий Протопопов, член Московского общества лыжников, писал:

«Так как Бычков исполняет обязанности дворника и, безусловно, как лицо, занимающееся физическим трудом, имеет громадное преимущество перед интеллигентными гонщиками, его следует причислить к профессионалам».

Бычков выступал ещё два сезона, а потом вынужден был оставить спорт.

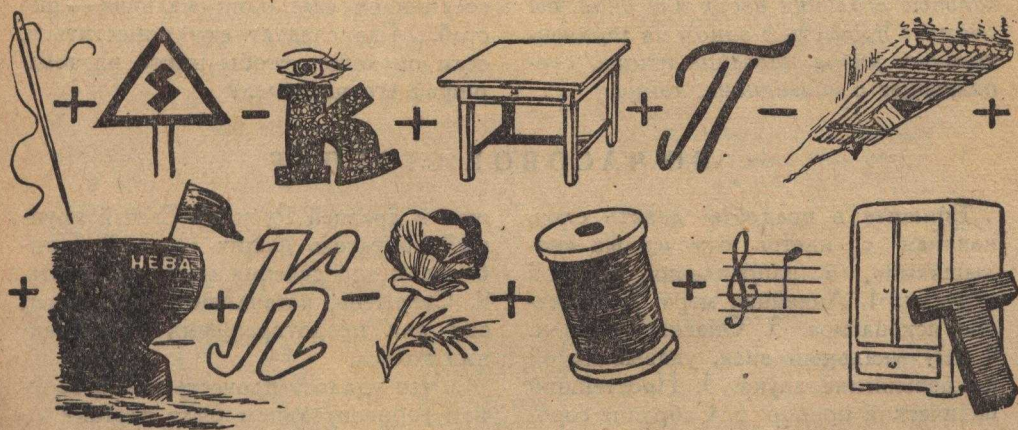

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Омут, яма, залитая водой. 3. Один из способов соединения металлических частей. 4. Принадлежность рыболова. 5. Прибор для накопления энергии. 6. Прямая линия, имеющая одну точку, общую с кривой. 8. Лицо, руководящее отдельной отраслью государственного управления. 9. Ряд полок в несколько ярусов. 14. Часть копья или пики.

15. Действующее лицо из комедии Бомарше «Севильский цирюльник». 18. Старинная русская линейная мера.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 2. Клещи с плоской внутренней поверхностью губ. 7. Знаменитый русский адмирал-учёный. 10. Моллюск. 11. Шинель, скатанная для ношения через плечо. 12. Роман И. С. Тургенева. 13. Дорога или дорожка, усаженная по обеим сторонам деревьями. 16. Окаменевшая смола ископаемых деревьев. 17. Задняя мачта на корабле. 19. Часть хозяйственного года. 20. Гриб.

РЕБУС

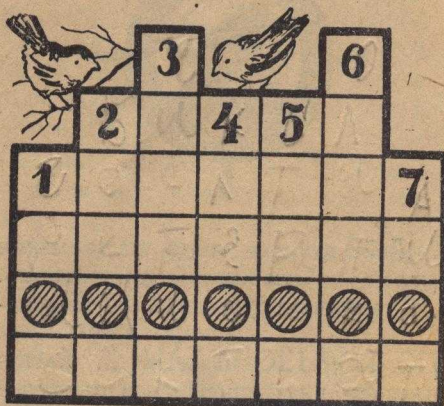
Этот ребус не такой, с какими вы обычно встречались на наших страницах. Перед некоторыми рисунками стоит знак «минус»: это значит, что соответствующие слоги

или буквы должны «вычитаться» из предшествующего текста.

Интересно, удастся ли вам прочесть слово, зашифрованное в этом ребусе?

ПТИЦЫ

(Составил А. Танельвиц.
Заболотьевская школа
Московской области)

Впишите в клетки вертикальных рядов значение следующих слов:

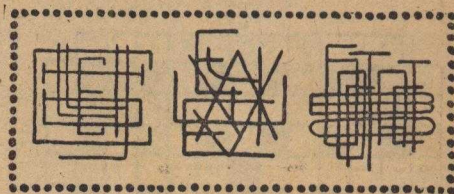
1. Птица, первой прилетающая к нам весной. 2. Птица, поющая.. хвостом. 3. Водоплавающая птица. 4. Птица, выкармливающая птенцов зимой. 5. «Рекордсмен» по скорости полёта среди наших птиц. 6. Певчая птица, обладающая удивительной способностью нырять под лёд и бегать по дну реки. 7. Птица, не имеющая голоса.

Если названия птиц будут найдены вами правильно, то, передвинув вертикальные столбики вверх или вниз, вы сможете прочесть в одном из горизонтальных рядов название птицы, совпадающее с названием... танца.

ПО ЧАСОВОЙ СТРЕЛКЕ

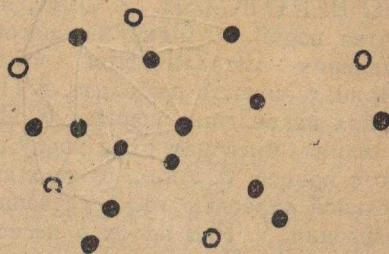
Впишите в квадраты девять слов, начиная с клеток, отмеченных «колышками», в направлении часовой стрелки: 1. Линейная мера. 2. Полезное ископаемое. 3. Опасный сорняк. 4. Музыкальный знак, указывающий на повышение звука. 5. Простейший оптический прибор. 6. Собрание горо-

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

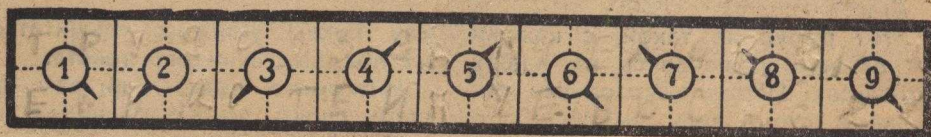

На первый взгляд можно подумать, что на нашем рисунке — китайские иероглифы. Однако это не так. Здесь написана фраза на нашем родном языке, каждый «иероглиф» — отдельное слово фразы. Что же именно написано здесь?

ШЕСТОЙ МАЛЬЧИК

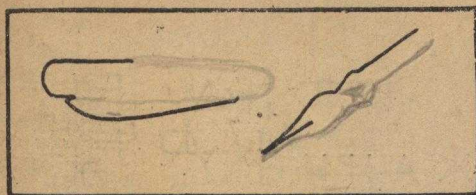

Мальчики играли в саду. Чёрные кружки — деревья, белые — мальчики. Пять мальчиков расположились между деревьями так, что все они не видят друг друга. Но вот к ним присоединился ещё один мальчик — шестой... Где следует ему поместиться, если он хочет, чтобы никто из товарищей его не видел?

жан в древней Руси. 7. Самый крупный обитатель наших лесов. 8. Прибор для определения массы предмета. 9. Стержень, вставляемый в конец оси для предотвращения соскакивания колеса.

...Что удалось прочесть вам в верхнем горизонтальном ряду клеток?

Девочка нарисовала два предмета, хорошо знакомые каждому нашему читателю, а затем стёрла резинкой некоторые линии в своих рисунках. Догадайтесь, что было нарисовано, и восстановите стёртые линии.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

На лугах лежал ещё туман, когда отряд выступил в поход. Пионеры шагали бодро. Костя Никандров затянул песню о сотне юных бойцов, её дружно подхватили... Далёкие тучи на горизонте никого не испугали, лес был близко.

Грибы искали на опушке. Дружными усилиями насобирали пару ведер красных и подберёзовиков. Кувшин каких-то неизвестных грибов собрали Лия Иванова и Рая Сенькова, но их решили выбросить. Время летело незаметно. Вере скоро захотелось пить, и тут только она заметила, что её фляжка пуста... Её выручила Лена Арбузова; себе Лена не оставила ни глотка — она никогда не пила в походах.

Вечером разожгли костёр, отдохнули, испекли в золе клубни картофеля. Когда направились в обратный путь, на небе уже мерцали звёзды.

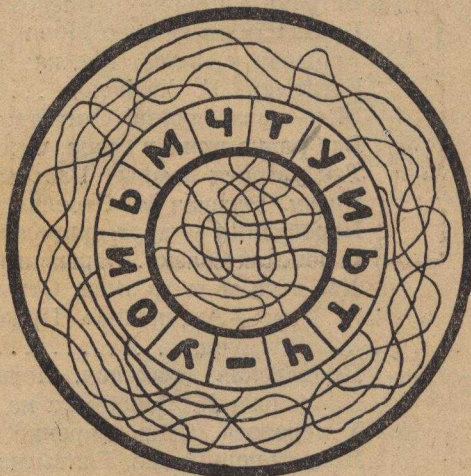
В этом рассказике скрыто больше двадцати названий растений. Попробуйте их отыскать. Как вы думаете, какие из них пионеры могли увидеть в поле и в лесу?

РЕБУС-ШУТКА

(Составила Ира Грязева)

Не так-то просто прочесть здесь пословицу... Однако есть признак, который сразу поможет вам выделить две крайние буквы; какая из них первая, какая последняя — тоже нетрудно догадаться. Попробуйте!

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 3)

ЦИКЛОМОЗАИКА

1. Мята.
2. Галл.
3. Цинк.
4. Чили.
5. Пони.
6. Каре.
7. Этна.
8. Адда.
9. Лимб.
10. Магнолия.
11. Глицерин.
12. Антилопа.
13. Пирамида.

ЗАДАЧИ-ШУТКИ

1. Букварь (буква + рь).
2. Имя девочки. (Это ведь и нужно было составить!..)

ПРОЧИТАЙ ПОСЛОВИЦУ

Порядок время бережёт.

НА КАРТЕ БССР

Минск, Слоним, Вилейка, Скидель, Гродно, Орша, Чашники, Оболь, Шклов.

ГДЕ ПОСТАВЛЕНА ТОЧКА!

«Мышка» в пределах трёх прямоугольников, ромба и трёх треугольников.

РЕБУС

В жизни всегда есть место подвигам.

ЧТО ЗДЕСЬ НАРИСОВАНО!

Транспортёр.

ЮНЫМ АСТРОНОМАМ

Коперник, Галилео Галилей, Джордано Бруно, Бредихин. Планеты: Плутон, Меркурий, Нептун, Венера, Юпитер, Земля, Сатурн, Марс.

СОДЕРЖАНИЕ

Быть, как Ленин! Стихотворение В. Самсонова	1
Встречи с Лениным. Воспоминания О. К. Матюшиной	2
Брат. Стихотворение Миши Каледина	5
Большое и малое. Рассказ Б. Раевского	6
Богатыри. Е. Люфанов	10
Мы — разведчики! Стихотворение В. Николаева	24
Всё равно придёт весна. Стихотворение Л. Слуцкой..	24
Так устроен компас. Рассказ Ю. Томина	25
Нагон. Рассказ М. Стрелюхина	32
Перепуткин — друг природы. Л. Гаврилов, В. Суслов	36
В поисках сказки. Отрывки из поэмы В. Витки	38
Два песо за метр змеи. Отрывки из книги «Там за ре- кою — Аргентина» Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда	42
Пионерская дорожная. Ноты к песне А. Мирецкого (слова П. Кобракова на стр. 47)	46
У перевоза. Стихотворение Н. Кутова	47
Недремлющий лес. Главы из повести И. Туричина ..	48
Задира. Стихотворение С. Погореловского	57
На спортивные темы	59
Клуб смекалистых ребят	61

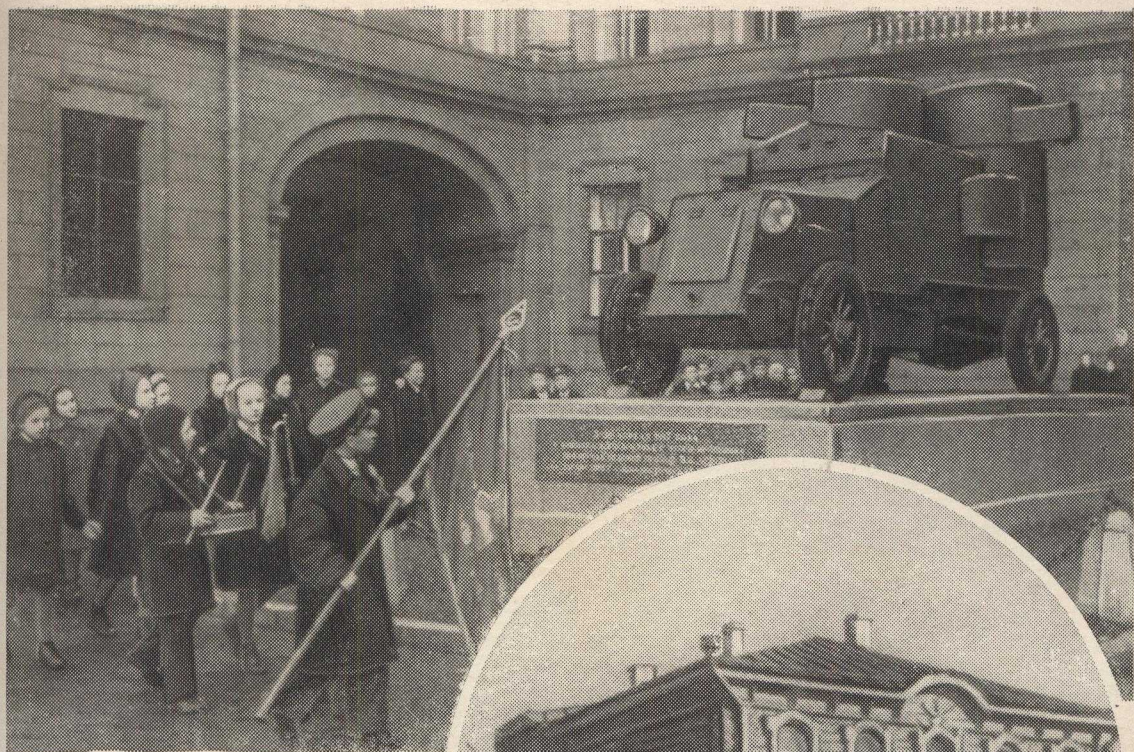
- На первой странице обложки: В. И. Ленин (Ульянов) — гимназист 8-го класса. 1887 г.
- На второй странице обложки — репродукция с картины художника П. Белоусова «В. И. Ленин среди делегатов III съезда РКСМ. 1920 г. и репродукция с картины художника В. Серова «Ходоки у В. И. Ленина».
- На третьей странице обложки: фотоочерк «По ленинским местам».
- На четвёртой странице — рисунок К. Бекташева «Весна пришла!»

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-4-54-90.

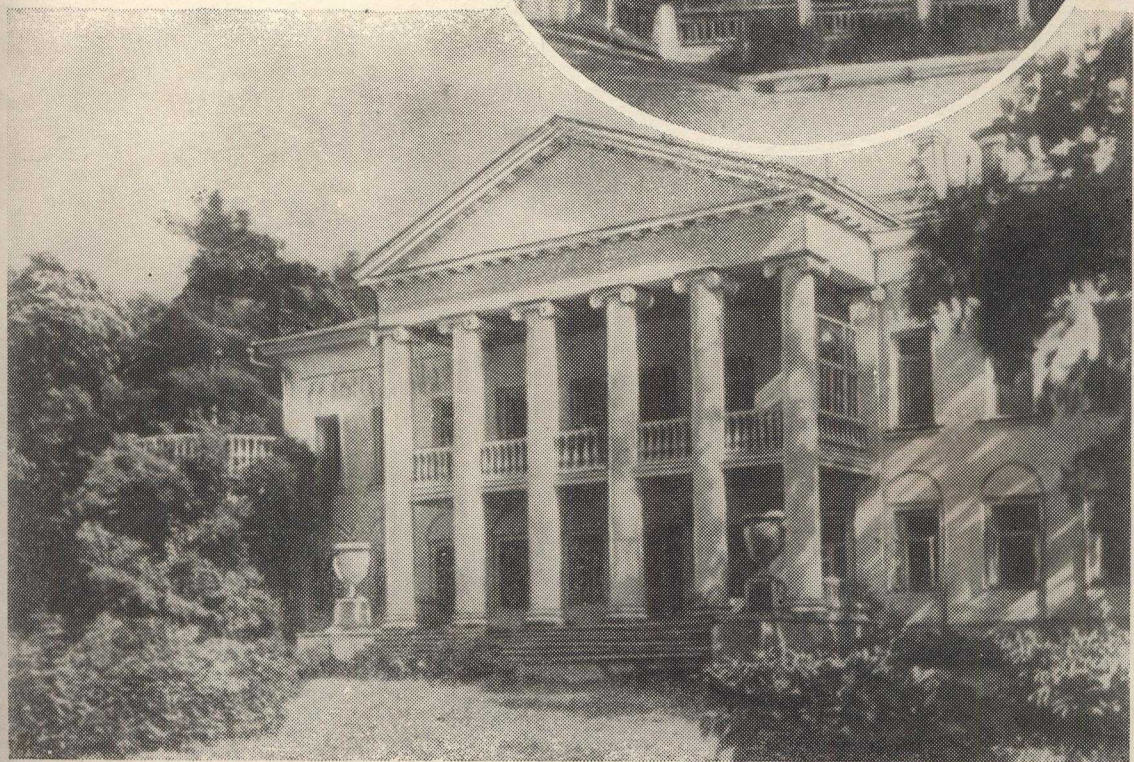
Сдано в набор 18-III-58 г. Подписано к печати 15-IV-58 г. Тираж 75.000.
М-26244. Заказ № 428. Формат бумаги 70 × 108 ¹/₁₆. Цена 1 рубль.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Центр, Фонтанка, 57.

По ленинским местам

(Текст на
2-й странице обложки)

Мир 72 Учен

Цена 1 рубль

